

Зиновий Сагалов

ВСЕМИРНЫЙ ЗАГОВОР ЛЮБВИ

Пьеса в 2-х частях

по мотивам произведений

А. Ф. Писемского

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

ЗВЕРЕВ АГГЕЙ НИКИТИЧ — уездный

исправник, 48 лет.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА — его жена, 50 лет

ВИБЕЛЬ ГЕНРИК ФЕДОРОВИЧ —

аптекарь, 57 лет

ПАНИ ВИБЕЛЬ — его жена, 30 лет

ТУЛУЗОВ ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ —

действительный статский советник, 50 лет

КАТРИН — его жена, 37 лет

ВЛАСЬЕВ САВЕЛИЙ — управляющий в имении

Тулузовых, 35 лет

ДОКТОР

ПОЧТМЕЙСТЕР

МИХЕИЧ — поручик

КАМЕР-ЮНКЕР

АПТЕКАРСКИЙ ПОМОЩНИК

ТАНЮША — горничная у Вибелей

АБРОСИМОВ — поручик в отставке

АНТОН ПУПКИН — чиновник

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ

ГОСТИ НА БАЛУ, МАСОНЫ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I.

Служебный кабинет уездного исправника. Стол под зеленым сукном. За ним, поглощенный разбором бумаг, сидит майор Аггей Никитич Зверев — роскошные бакенбарды, воинственные усы, молодцеватая грудь, украшенная орденом Станислава и двумя медалями. Появляется поручик Михеич.

МИХЕИЧ. К вам господин Тулузов!

ЗВЕРЕВ (*мгновенно вскакивает из-за стола*). Преси! Что же ты, братец! (*Поправляет мундир, становится во фронт, взволнован*).

Михеич удаляется и тут же входит Тулузов — крупный вальяжный мужчина с бритыми щеками.

(*Щелкает каблуками*). Здравия желаю, ваше превосходительство!

ТУЛУЗОВ (*снисходительно*). Не петушись, голубчик, вольно! (*Пристально рассматривает его*). Вот ты, значит, какой — исправник наш новоиспеченный... (*Вынимает из внутреннего кармана сюртука документ, небрежно бросает его на стол*). Ты

бумагу писал?

ЗВЕРЕВ (*вздыхнув*). Я, ваше превосходительство...

ТУЛУЗОВ. Ну и учиняй допрос. Садись, чего торчишь?

ЗВЕРЕВ. Сперва вы, ваше превосходительство, по чину...

ТУЛУЗОВ. Экой ты, право...(*Садится*). Служака, сразу видать.

ЗВЕРЕВ. Так точно. Карабинерный офицер. Двадцать два года оттрубил. Царю и отечеству на славу.

ТУЛУЗОВ. А что же в отставку вышел? Орел ведь еще? Лев! Да садись, тебе говорят!

ЗВЕРЕВ (*садится*). Военная службы хороша, когда еще молод и у дам желаешь успех иметь.

ТУЛУЗОВ (*хохочет*). А ты что же — против?

ЗВЕРЕВ. Недавно законным браком сочетался, ваше превосходительство. Со вдовою-полковницей.

ТУЛУЗОВ. А сам-то ведь майор?

ЗВЕРЕВ. Так точно.

ТУЛУЗОВ. Полковница тебе главное начальство, а? Чуть что — на гауптвахту!

Оба смеются.

(*Резко оборвав смех*). Ладно, исправник. Посмеялись — и к делу. Снимай допрос, за тем и прибыл.

ЗВЕРЕВ. Приношу вам свои извинения за столь оскорбительные действия, но...

ТУЛУЗОВ. Пых-пых-пых!.. Чего уж тебе извиняться? Служба такая. Пиши: "Допросный лист на Тулузова Василия Ивановича, действительного статского советника..." Давай, давай, невзирая на лица. Перед законом все, брат, равенство

держат. Дело, небось, уже завел на меня?

ЗВЕРЕВ. Довелось завести, ваше превосходительство.
(*Берет со стола одну из папок, листает подшитые документы*).

ТУЛУЗОВ. Что ж я, окаянный, натворил такого, а? Украл? Либо отравил кого? (*Хохочет*). В чем виновен перед отечеством разбойник Тулузов?

ЗВЕРЕВ. Уж не знаю, с чего начать... Тут такого написано...

ТУЛУЗОВ. Читай, читай!

ЗВЕРЕВ. Будто вы, ваше превосходительство, человека... того...

ТУЛУЗОВ. Что — "того"? Что?

ЗВЕРЕВ. Убили...

ТУЛУЗОВ (*хохочет*). Так прямо и написано?

ЗВЕРЕВ. Приказчика одного, Тулузова Василия Ивановича...

ТУЛУЗОВ. Ай-ай-ай! Тулузов Тулузова порешил! Вот потеха!

ЗВЕРЕВ. В подлинных словах... будто вы горло перерезали ему. Бритвой.

ТУЛУЗОВ (*крестится*). Свят, свят...

ЗВЕРЕВ. А деньги — он их вез хозяину своему — пятьдесят тысяч там было... Якобы вы себе, извините, взяли... И паспорт его тоже...

ТУЛУЗОВ. И в эдакой грязи копаться ты должен, боже праведный!

ЗВЕРЕВ. Будто бы под именем убиенного вы в нашу губернию приехали. И с тех пор стали называться Тулузовым Василием Ивановичем.

ТУЛУЗОВ. Неужто ты этим клеветам веришь?

Зверев молчит.

Понимаю, понимаю... При исполнении, как говорится... Да ведь Тулузовых этих, считай, сотни, а то и тысячи на свете. Убиенный — Тулузов и я — Тулузов. Что ж из того? А истинная причина в чем? *(Вынимает золотую табакерку, щелкает крышкой)*. Не угодно ль?

ЗВЕРЕВ. Не нюхаю-с.

ТУЛУЗОВ. Напрасно. Для освежения мозга... *(Берет понюшку табаку, закладывает в ноздри, раскатисто чихает)*. Так вот... Тебя-то как величать, голубчик?

ЗВЕРЕВ. Аггей Никитич.

ТУЛУЗОВ. Так вот, любезный мой Аггей Никитич, истинная причина в том, что люди не любят тех, кто быстрее возвышается. Был я голоштанником, рванью, верно. Батюшка мой лишил меня наследства за амурную связь и пришлось мне самому в жизни пробиваться. Теперь, видишь, богач: пароходство имею, дворянством пожалован, святой Владимир за особые заслуги. Ты вот недавно в нашем богоспасаемом граде, а знать тебе не лишнее. Кто от голода губернию спасал? Тулузов. Кто тридцать пять тысяч на гимназию пожертвовал? Твой покорный слуга... Да что там... Люди — твари завидущие. Для них грязью человека облить что комару крови напиться, сущая радость. Думаешь, не знаю, кто донос этот мерзостный накатал? Докторишка проклятый. Он, сказывают, и в архиве был, и в управе — повсюду документики на меня выискивал. Извести хочет, масон вонючий!

ЗВЕРЕВ. Кто, кто?

ТУЛУЗОВ. Да ты что, не знаешь? В нашем граде, дорогой мой, целое гнездовье масонов. Вот кого на чистую воду вывести пора. Первейшая опасность для державы. *(Поглядел по сторонам, тихо, но внушительно)*. Почтамт весь из масонов состоит, аптеку тоже захватили, в канцелярию губернатора — и туда просочились.

ЗВЕРЕВ. Да ведь государь запретил масонство.

ТУЛУЗОВ. Они, каналы, в подполье ушли. Все шито-крыто.

ЗВЕРЕВ. Ослушались государя?

ТУЛУЗОВ. Ниспровергнуть его хотят. А для этого надобно им всех верноподданных извести. Всех честных людей, истинных патриотов. На ком держава наша держится. Таких как ты да я.

ЗВЕРЕВ. Неужто такое быть может?

ТУЛУЗОВ. Эх, Аггей Никитич, нравишься ты мне... Кристальный ты человек.

ЗВЕРЕВ. Что думаю, то и говорю. У солдата всегда душа нараспашку.

ТУЛУЗОВ. Вот и послужи государю, солдат. Выведи этих тварей смердящих, масонов зловредных. Монумент тебе поставим, ей богу, перед дворянским собранием, на площади... А наше с тобой дело... (*Хлопнул ладонью по папке*). Оно пустяк, выеденного яйца не стоит. Представлю тебе свидетелей, кои подтвердят под присягой, что знали и меня в молодечестве, и отца моего, и что испокон веку все мы Тулузовыми звались. (*Встает*). И впредь зваться будем. Понял?

ЗВЕРЕВ (*тоже встает*). Так точно, ваше превосходительство! (*Кричит*). Господин поручик!

Входит Михеич.

Проводи их превосходительство.

МИХЕИЧ. Слушаюсь.

ТУЛУЗОВ (*на Михеича, добродушно*). А он уже приготовился в острог Тулузова упечь, а? Вяжи его, дескать, разбойника подорожного! В сибирку его! На каторгу! (*С хохотом удаляется*)

Михеич следует за ним. Свет медленно гаснет.

2.

Аптека. Белые шкафы с лекарствами. На стеклах надписи по латыни. Видны стоящие на полках флакончики, пузырьки, клизмы и прочие аптекарские товары. С потолка свешивается стеклянный шар с огненно-красной жидкостью. За матовой перегородкой видны силуэты двух мужчин. Это аптекарь Вибель и его помощник. По их движениям нетрудно догадаться, что оба растирают мази в ступках. Звякает дверной колокольчик. В аптеку крадучись входят Зверев и поручик Михеич.

ВИБЕЛЬ (за перегородкой). И-ду! Айн момент!

Зверев и Михеич прячутся. Появляется Вибель — в халате, с брюшком, в очках. Осмотрелся, никого не увидел, пожал плечами.

Что за глупые шутки? (Хотел было уйти, но тут снова звякнул колокольчик и появился Почтмейстер). О, здравствуй, брат.

Вибель и Почтмейстер медленно и торжественно идут друг другу навстречу. Пальцы их рук сложены треугольниками. Сблизились, дотронувшись вершинами этих треугольников, затем обнялись, трижды прикоснувшись щека к щеке.

ПОЧТМЕЙСТЕР. А! Е!

ВИБЕЛЬ. Ши!

ПОЧТМЕЙСТЕР. Макбенак.

ВИБЕЛЬ. Макбенак.

ПОЧТМЕЙСТЕР. Боже всещедрый.

ВИБЕЛЬ. Боже всемилостивый.

Вибель берет под руку Почтмейстера и уводит его за перегородку.

ЗВЕРЕВ (*Михеичу*). Видал?

МИХЕИЧ. Притон сатаны. (*Крестится*).

ЗВЕРЕВ. Выходит, не соврал Тулузов?

МИХЕИЧ. В самом гнезде сидим.

ЗВЕРЕВ. Ты ступай, Михеич.

МИХЕИЧ. А вдруг они вас... того?

ЗВЕРЕВ. Меня? Карабинерного офицера? (*Повысив голос*). Да я, любезный, в турецкую кампанию из трех янычаров лепешку сделал...

ВИБЕЛЬ (*из-за перегородки*). Кто там еще есть? Иду-у!

ЗВЕРЕВ (*Михеичу*). Ступай!

Михеич уходит. Появляется Вибель.

ВИБЕЛЬ. Что вам угодно?

ЗВЕРЕВ (*после паузы*). Мозоль, сударь.

ВИБЕЛЬ. О, пустяк! Через неделю вы скажете ей до свидания.

В промежутке между шкафами появляется стройная и грациозная молодая женщина — Пани Вибель.

(*Звереву*). Мы приготовим вам добрую микстуру. Только придется подождать.

ЗВЕРЕВ (*не спуская глаз с Пани Вибель*). Я готов ждать, сударь. Сколько угодно.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Генрику, я пояден на спацер.

ВИБЕЛЬ. Добже, добже. (*Звереву*). Едва-едва подождите. (*Уходит за перегородку*).

Зверев и Пани Вибель смотрят друг на друга. Долгое неловкое молчание. Возникает музыка.

ЗВЕРЕВ. З пржиемносион видзен, же пани полька.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. По происхождению. Но в душе русская. А пан кто таки?

ЗВЕРЕВ. Прежде был офицер карабинеров. Долго стоял в Царстве польском. Это было самое счастливое время в моей жизни.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А теперь вы что?

ЗВЕРЕВ. Теперь я исправник здешний.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. О-то, боже мой, я же вас знаю. Когда я езжу взад-вперед по вашей длинной глупой улице, я иногда встречаю вас с вашей матушкой. Вы, наверное, ее очень любите?

ЗВЕРЕВ. Какая матушка? Бог с вами!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А то кто же?

ЗВЕРЕВ. Супруга моя, Миропа Дмитриевна.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*всплеснув руками*). Иисус, Мария!.. Извините меня, пане добродзею, я не хотела... Какая же я, однако, глупая. Попала впрусак...

ЗВЕРЕВ (*смеется*). Впрусак, впрусак...

Выходит Аптекарский Помощник с бутылкой розовой жидкости.

АПТЕКАРСКИЙ ПОМОЩНИК (*громко*). Микстура от мозоли!

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*смеется*). У ясновельможного пана е мозолька? О!

ЗВЕРЕВ (*сконфуженный, Помощнику*). Что-то напутали, уважаемый.

АПТЕКАРСКИЙ ПОМОЩНИК. Двадцать капель в таз с мыльной водой. Утром и вечером.

Пани Вибель не может удержаться от хохота.

ЗВЕРЕВ. Послушайте!

АПТЕКАРСКИЙ ПОМОЩНИК. Я слушаю только господина Вибеля.

ЗВЕРЕВ. Я заказывал... Эти самые... сердечные капли! (*Громко*). Кру-гом! Шагом марш!

Аптекарский Помощник выполняя команды, удаляется.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. С вами бардзо весело, пан исправник... Я уже давно так не смеялась... Пан ми подоба... А вы к нам еще раз придете?

ЗВЕРЕВ. С превеликим удовольствием. Назначьте час.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Возможно, вам понадобится магнезия, или ревень, или солодковый корень...

ЗВЕРЕВ. А если я приду ради вас?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Буду рада. По вечерам я сижу одна и мечтаю.

ЗВЕРЕВ. О чем?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Отгадайте.

ЗВЕРЕВ. О прошедшем.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Фи... Зачем? Если оно прошло, его уже нет. Я мечтаю о том, что будет...

ЗВЕРЕВ. А как отнесется к моему визиту ваш супруг? Мы ведь даже не знакомы.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Неужели мне треба учить пана офицера?
(Смеется). До видзения! (Убегает).

ЗВЕРЕВ. До видзения!

Появляется Вибель.

ВИБЕЛЬ. Вы до сих пор здесь? (Кричит). Александр!

ЗВЕРЕВ (шепотом). Я... я не затем сюда пришел.
Выслушайте меня.

Сложив пальцы треугольником, идет к Вибелю.

Мак... Мак-бенак...А...Е!...

Вибель не отвечает на эти приветствия.

ВИБЕЛЬ. Будьте добры вашу руку.

Зверев подает ему правую руку.

Вы пользуетесь нашими словами, но к ложе не принадлежите.

ЗВЕРЕВ. Так точно.

ВИБЕЛЬ. К чему же это самозванство? Кто открыл вам наши символы? Вы, может быть, были ищущим?

ЗВЕРЕВ. Да.

ВИБЕЛЬ. Можете не таясь открыться мне.

ЗВЕРЕВ. А чего скрывать? Был ищущим... Искал, значит, искал... Потом по службе сюда перевели. Теперь снова искать хочу.

ВИБЕЛЬ. Посвящение вы не приняли.

ЗВЕРЕВ. Не принял. А как вы по руке-то?

Вибель протягивает ему свою руку с большим перстнем на указательном пальце.

(Рассматривает его). Вот оно что... Перстенок...

ВИБЕЛЬ. Чугунный. У всех посвященных.

ЗВЕРЕВ. Голова человеческая и косточки... А что написано?

ВИБЕЛЬ. "Сик эрис". Это латынь. Таким, значит, будешь. Чтобы о смерти помнил и путь к добру искал.

ЗВЕРЕВ. Вот, вот... И меня на этот путь выведите. Заблудился я в делах смертных, душа спасения ищет. Не отказывайте мне, господин Вибель.

ВИБЕЛЬ. Тише, тише... Первая заповедь масона — быть молчаливым, как рыба. Поняли?

ЗВЕРЕВ (*шепотом*). Как рыба...

Появляется Аптекарский Помощник. В руке у него та же бутылка с розовой жидкостью.

АПТЕКАРСКИЙ ПОМОЩНИК. Сердечное. По двадцать капель в таз... пардон, в стакан с кипяченной водой. Утром и вечером. (*Отдает бутылку Звереву и уходит*).

ВИБЕЛЬ. Вы произвели на меня доброе впечатление. Хоть и офицер, но нравственные заложения есть.

ЗВЕРЕВ. Не буду скрывать, есть заложения. Есть!

ВИБЕЛЬ. Ряды наши сильно поредели, так что мы рады каждой новой овце. Приходите в четверг. Буду вас ждать.

ЗВЕРЕВ. Боже всещедрый.

ВИБЕЛЬ. Боже всемилостивый.

Вибель уходит за перегородку, Зверев молодцевато подкручивает усы. Глаза его сияют.

ЗВЕРЕВ. Гром победы, раздавайся! (*Замечает в руках бутылку, откупоривает ее*). По двадцать капель утром... (*Жадно пьет из горлышка*). По двадцать капель вечером... (*Снова пьет*). И так до полного выздоровления! Карабинеры, на штурм!

(Печата шаг, уходит).

3.

Гостиная в доме Тулузовых. На софе, облокотившись на подушки, сидит Екатерина Петровна Тулузова, или Катрин, как называет ее муж. Это яркая черноволосая женщина со жгучими цыганскими глазами. Она в утреннем капоте, не причесана, волосы только приколоты шпильками. В руках Катрин гитара. Возле софы стоит небольшой туалетный столик, на нем початая бутылка вина.

КАТРИН *(поет)*.

Не называй ее небесной

И у земли не отнимай!

С ней рай иной, но рай чудесный,

С ней гаснет вера в лучший край!..

Появляется Тулузов. На нем халат, в руке трубка с длинным чубуком.

ТУЛУЗОВ *(подпевает)*.

С ней рай иной, но рай чудесный...

Катрин резко ударяет по струнам, отбрасывает гитару.

(Нежно). Сегодня ты особенно прелестна, душа моя. *(Целует ее в голову, но Катрин тут же встает и отходит к столику)*. Пой, ангел... *(Подает ей гитару)*. "Не называй ее небесной..."

Катрин наливает полный бокал.

А вот бражничаешь ты зря.

КАТРИН. Скажи, Тулузов, неужели мне суждено быть женой убийцы? *(Выпивает бокал до дна)*.

ТУЛУЗОВ. Замолчи! Что за слова!?

КАТРИН. Кто, в конце концов, Тулузов? Ты или убиенный?

ТУЛУЗОВ. Ты еще сомневаешься? Я докажу следствию, кто я и откуда.

КАТРИН. Я бы могла тебе помочь, Базиль. Но для этого мне нужно знать правду. Чей паспорт? Твой?

ТУЛУЗОВ. И да и нет.

КАТРИН. Не лги и не выкручивайся.

ТУЛУЗОВ. Дело мое состоит в глупом казусе...

Катрин и Тулузов садятся на софу.

В молодости я имел неосторожность потерять свой паспорт. Я, понимаешь, так испугался, что сунулся к одному знакомцу, который и приладил мне купить чужой на имя какого-то Тулузова... Я записался по этому виду, давал расписки, векселя, клал деньги в приказ под этим именем, тогда как фамилия моя вовсе не Тулузов...

КАТРИН. Проходимец!

ТУЛУЗОВ. Выслушай и пойми. Повернуться назад было нельзя. За это сослали бы на каторгу. А тут казус разыгрался еще сильнее. В доносе сказано, что человек, по паспорту которого я существую на белом свете, убит кем-то на дороге...

КАТРИН. Выходит, ты и убил.

ТУЛУЗОВ. Не я, Катрин. Не я, ангел мой... Но как объявить мне теперь, что я не Тулузов? Ведь это было бы совершенным сумасшествием. Я под этим именем жизнь прожил. Поступил управляющим к твоему покойному батюшке, женился на тебе, генеральский чин получил... Неужто все это отдать и по Владимирке убийцей пойти?

КАТРИН. Я, Базиль, рождена и воспитана в порядочной

семье. И не могу себе позволить даже мысли, что разделяла ложе с вором или каторжником. (*Направляется к выходу*).

ТУЛУЗОВ. Вот и помоги! Клеймо на обоих поставят — на тебе и на мне!

Катрин уходит. Тулузов раскуривает трубку. В раздумье ходит по комнате. Появляется Савелий Власьев, управляющий Тулузова. Он в сапогах, атласном жилете. Напомаженные волосы расчесаны на прямой пробор.

САВЕЛИЙ. Барыня ушли-с?

ТУЛУЗОВ (*раздраженно*). "Ушлис", "ушлис"... Ну что, приискал?

САВЕЛИЙ. Отчего же не приискать?

ТУЛУЗОВ. Сколько их?

САВЕЛИЙ. Как заказывали. Трое.

ТУЛУЗОВ. Так, так... Согласны они будут показать, что жили в том городе, который я им скажу, знали моего отца, мать и даже меня в молодости?

САВЕЛИЙ. Отчего не согласиться? Это не весть что такое. Только сумеют ли они, ваше превосходительство, — вот что опасно... Не соврали бы чего и пустяков каких-нибудь не наговорили.

ТУЛУЗОВ. Я тебе надиктую, что они должны будут говорить, а ты им это вдолби, и пусть стоят намертво.

САВЕЛИЙ. Тут еще другое есть — больно они мерзко одеты, все в лохмотьях.

ТУЛУЗОВ. Так купи им новое платье, в чем же дело?

САВЕЛИЙ (*смеется*). Пропьют, окаянные.

ТУЛУЗОВ. А если пропьют, другое им сделаешь. Стоит

ли об этом говорить? (*Вынимает бумажник, отсчитывает деньги, дает Савелию*). Устроишь дело, две тыщонки в награду дам.

САВЕЛИЙ. Благодарю-с на том. (*Хочет уйти*).

ТУЛУЗОВ. Погоди. (*Подходит к Савелию, подносит к его лицу кулак*). Чтобы все промеж нами было — заруби на носу крепко... Я тебя, Савка, от Сибири спас, в управляющие возвел... Но коли что... Быть тебе там, куда ворон костей не занашивал. Гляди, от меня не уйдешь!

4.

Комната в аптеке. Круглый чайный столик, несколько кресел. Зверев записывает поучения Вибеля, который, заложив руки за спину, прохаживается по комнате.

ВИБЕЛЬ. Вам должно быть известно, что масонство есть союз.

ЗВЕРЕВ. Естественно.

ВИБЕЛЬ. Но почему же это союз?

ЗВЕРЕВ. Действительно — почему?

ВИБЕЛЬ. Есть союзы разные: дружественные, семейные, брачные, любовные... Успеваете за мной?

ЗВЕРЕВ. Стараюсь, Генрик Федорович. (*Пишет*). "Брачные, любовные".

ВИБЕЛЬ. Масонство есть союз союзов, ибо оно собирает в свой храм всех добрых людей.

ЗВЕРЕВ. С целью всемирного заговора, да? Я хотел бы принять в этом самое энергическое участие.

ВИБЕЛЬ. Не понимаю, о чем вы?

ЗВЕРЕВ (*шепотом*). Сказывали, что масоны готовятся

захватить власть в империи.

ВИБЕЛЬ. Чушь, чушь какая-то! Для нас дороже всего в мире душа человеческая и ее спасение. Поэтому для нас не суть важны ни правительства, ни границы стран, ни даже религии. Это добровольный союз людей, признающих три истины, лежащие в самой натуре человека: бытие бога, бессмертие души и стремление к добродетели.

ЗВЕРЕВ. Я бога люблю больше всего в мире. И если вы тоже, я навсегда с вами. И пламенно желаю, чтобы Господь открылся мне и повел меня за собою.

Невдалеке слышится голосок Пани Вибель, она напевает весёлую польскую песенку. Зверев, забыв обо всем, прислушивается. Лицо его расплывается в улыбке.

ВИБЕЛЬ. Не отвлекайтесь, господин Зверев.

ЗВЕРЕВ (*спохватывается*). Нет-нет, я весь внимание.

ВИБЕЛЬ. Я говорил о трех истинах, которые признают масоны. Какие же именно? Вы уяснили?

ЗВЕРЕВ. Уяснил-с... Масоны признают, значит, три истины...

ВИБЕЛЬ. Ну, ну... Какие?

ЗВЕРЕВ. Бога, душу... Бога, душу... И будущую жизнь.

ВИБЕЛЬ. Вы невнимательны, господин Зверев. Какова же третья истина?

Появляется Пани Вибель.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ты говорил о добродетели, татко.

ВИБЕЛЬ. Майн готт, ты что, подслушиваешь нас?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ты заморил господина Зверева, татко. Давайте-ка лучше пить чай.

ЗВЕРЕВ (*поспешно кладет перо, с радостью*). Прекрасная идея!

ВИБЕЛЬ (*строго*). Ты нам мешаешь, Мария. погоди с этим чаем.

ЗВЕРЕВ (*угасая*). Пани Вибель, мы наверное... Наверное, скоро окончим... Не обижайтесь.

Пани Вибель, недовольно фыркнув, уходит. Зверев с тоской провожает ее взглядом.

ВИБЕЛЬ. Итак, вам должно быть известно... Господин Зверев, вы слушаете меня?

ЗВЕРЕВ (*берет перо*). Слушаю, слушаю, господин Вебель. (*Снова пишет*).

ВИБЕЛЬ. Вам должны быть известно, что слово "масон" по-русски означает каменщик. Это имя мы взяли в память о храме иерусалимском. Главным строителем его был архитектор Адонирам.

ЗВЕРЕВ (*пишет*). А-до-ни-рам...

ВИБЕЛЬ. Этот великий храм, согласно преданию, возводили сто пятьдесят тысяч рабочих-каменщиков. Все они были разделены на учеников, товарищей и мастеров. У каждой группы было свое тайное слово. Для чего? Когда рабочие получали плату, они шептали Адонираму свое слово, сообразно которому он выдавал что кому положено... Вы успеваете?

ЗВЕРЕВ. Да, да...

ВИБЕЛЬ. Ну, вот... Нашлись среди рабочих три жадные ученика, которым захотелось получать больше, чем им следовало. Подстерегли они как-то ночью Адонирама и потребовали назвать им слово мастеров. Но архитектор отказался. Тогда первый ученик ударил его молотком. Но не убил. Второй нанес ему удар угольником, но Адонирам снова остался жив. И тогда третий ученик заколол его насмерть циркулем... Эту легенду и заимствовали будущие масоны, то есть

вольные каменщики, как они стали себя называть...

Появляется Пани Вибель. В глазах ее притворные слезы.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*рыдая*). Бедный Адонирам... Жаль го ме!.. Таки млodzютки и красивый... Адонирамчику!

ВИБЕЛЬ. О майн готт! Снова ты!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Пшепрошем паньство... Проше исць, пиць гербатен.

ВИБЕЛЬ (*Звереву*). Приглашает к чаю. Вот деспотка!

ЗВЕРЕВ (*с тяжким вздохом*). Надо повиноваться.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Мне без вас тенскно. (*Сгребает со стола бумаги и уходит*).

ЗВЕРЕВ. Ваша супруга очень расстроилась ввиду смерти этого... (*Заглянул в бумаги*). Адонирама... А как она, скажите, относится к масонству?

Входит горничная Танюша, сервирует стол и удаляется.

ВИБЕЛЬ. Я предлагал ей вступить в наш орден. Но Мария Станиславовна преданная католичка и говорит, что это грех.

Появляется Пани Вибель. Зверев вскакивает, целует ручку и придвигает ей кресло. Все садятся.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Проше пана ченстовач ше. Варенье, лимон, сливки...Цо пан себе еще жичи?

ЗВЕРЕВ. Дзенкуен. Опручь гербаты ниц венцей.

Пьют чай.

ВИБЕЛЬ. Скажите, господин Зверев, не слишком ли вы плоть вашу лелеете?

Пани Вибель, фыркнув, едва не выронила чашку.

ЗВЕРЕВ. В каком смысле "лелею"?

ВИБЕЛЬ. Не любите ли, например, покушать излишне много?

ЗВЕРЕВ. В этом грешен.

ВИБЕЛЬ. Не нужно того. В смысле тела нашего нездорово. Особенно от мяса следует отвратиться. А как вы насчет водочки?

ЗВЕРЕВ. Могу выпить ведро.

ВИБЕЛЬ (*в ужасе*). О, майн готт!

ЗВЕРЕВ. И, заметьте, ни в одном глазе не буду пьян. Но не делаю того, понимая, что человек гадок в этом виде.

ВИБЕЛЬ. Здоровые нравственные заложения... Следует также и женщин избегать в смысле чувственном. (*Закуривает трубку*).

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Женщин? Ни в коем случае! Род людской прекратится и ты, татко, будешь во всем виноват... Что же ты сам куришь, а Аггею Никитичу не предложишь?

ВИБЕЛЬ. Извините. Табак? Сигары?

ЗВЕРЕВ. Если можно, сигары.

Вибель выходит.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*положив подбородок на кулаки рук, которые при этом обнажились до локтя*). Ну-с?

ЗВЕРЕВ (*в тон ей*). Ну-с!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Завтра придете?

ЗВЕРЕВ. Если пригласите.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Разве моя персона вас интересует? Вас влечет сюда масонство.

ЗВЕРЕВ. Лишь отчасти.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Если вы станете масоном, я буду часто видеть вас.

ЗВЕРЕВ. А я вас.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*томно*). Сегодня ночь... лимоном пахнет.

ЗВЕРЕВ. Лимоном!.. (*Покрывает страстными поцелуями обнаженную руку Пани Вибель*).

ПАНИ ВИБЕЛЬ. О! Пана добродзею! Опаментайтесь! Сумасшедший! Масонам это не дозволено! (*Вырывается из его объятий*).

Появляется Вибель с ящиком сигар. Открывает крышку. Зверев достает сигару.

ВИБЕЛЬ. Суха и прекрасно свернута.

Пани Вибель подносит Звереву свечку. Руки их прикоснулись. Бьют часы. Неловкое молчание.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Я ужасно ревную своего татку, пан майор.

ЗВЕРЕВ. Вот как?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Открыть вам страшную тайну? Он мне изменяет. С очаровательной особой. Рыжая, глаза зеленые... Татко ее кохае бардзо...

Вибель добродушно посмеивается.

Правда, татко? Путци уже давно ждет тебя и приветливо машет своим рыжим ангорским хвостиком...

Вибель встает. Зверев тоже поднимается, но Пани Вибель отнимает у него фуражку.

(*Звереву*). А вас это не касается. Любовницы у вас нет, вот и извольте посидеть со мной.

Зверев вопросительною смотрит на Вибеля.

ВИБЕЛЬ. Посидите. Гутен нахт. (*Уходит*).

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Садитесь. (*Зверев садится*). И развлекайте меня. (*Смеясь плутоватыми глазами*). Ну-с!

ЗВЕРЕВ. Ну-с!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И что жальше?

ЗВЕРЕВ. Ночь сегодня...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Лимоном пахнет!... (*Садится к нему на колени и целует его*).

5.

Бульвар. На скамье Миропы Дмитриевны, жена Зверева, и Катрин. Издали доносятся звуки оркестра.

КАТРИН. Мы с мужем обижаемся на вас, голубушка Миропы Дмитриевны. Почему вы не выезжаете в свет? И на наших балах вас не видно.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Чтобы выезжать, надобно иметь туалеты. А это при наших средствах совершенно невозможно. Мы с Аггеем Никитичем живем только жалованьем.

КАТРИН. Но неужели...

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Ни копейки.

КАТРИН. От купцов, от лесопромышленников...

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Ни от кого... Они, конечно, готовы бы платить, но муж мой — я не знаю, как его назвать — в некоторых отношениях человек сумасшедший. Он говорит: "Царь назначил мне жалованье, то я и должен только получать".

КАТРИН. Кто же отказывается от денег? Таких святых нынче нет.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Он и не помышляет, Аггей Никитич, как и на что мы должны жить.

КАТРИН. А он и знать не должен.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Это как?

КАТРИН. Будем иметь дело исключительно с вами. Вы на него влияние имеете?

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Я? Мне хочется смеяться. Аггей любит меня, как в первый день нашей встречи.

КАТРИН. Вам можно только позавидовать.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Как он ни капризен, но в сущности — малый ребенок. Он только тем существует, что я вожу его на помочах.

КАТРИН. Вы мне должны пособить в одном деле.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Знаю. Убийство с применением бритвы.

КАТРИН. Да, да... Будто мой муж, Тулузов Василий Иванович, откуда-то бежал, кого-то убил. Какие-то бредни! Мой муж смеется над этим доносом. Конечно, он докажет, что все это ложь. Но я как женщина впечатлительная нервничаю, не сплю, а следствие все тянется и тянется... (*Вынимает из сумочки пухлый конверт с деньгами*). Надо бы дело это затушить...

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Ой, что вы... (*Испуганно озирается*).

КАТРИН. От чистого, сердца. Берите, берите...

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Если Аггей Никитич дознается, он...прибьет меня. (*Прячет конверт*). Я вам говорю, он сумасшедший человек в этом отношении.

КАТРИН. Об этом будем знать только я и вы. (*Встает*).

МИРОПА ДМИТРИЕВНА (*Тожже поднимается*). Все, что

зависит от меня, я сделаю. И имею надежду на успех.

Катрин прощается и уходит. Миропа Дмитриевна достает конверт, открывает его и сладострастно пересчитывает купюры. Увлеченная этим, она не замечает появления Зверева.

ЗВЕРЕВ. День какой! Наконец-то весна!

Миропа Дмитриевна поспешно прячет конверт.

В кабинете сидеть не вмоготу. Вышел на воздух. На плацу перед казармами уже совершенно сухо. В сад прилетели грачи, жаворонки, дятлы с красными шейками. Все это чирикает и щебечет до невероятности.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Ишь распелся, соловушка. Весну он почуял!

ЗВЕРЕВ. Воздух-то какой! Втяни его в себя, полной грудью.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Оставь в покое мою грудь. Погляди лучше сюда... *(Показывает ему свои руки в старых порванных перчатках).*

ЗВЕРЕВ. Впору поштопать...

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Может, и башмаки поштопать? *(Задирает юбку).* И панталоны? И ты хочешь, чтобы в этих туалетах я чувствовала весну?

ЗВЕРЕВ. Да успокойся же, Миропа! Что за страсть — в каждом разговоре подставлять мне шпильки. Я же все деньги тебе даю, ничего себе не оставляю.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Наверное, я растранижирую твоё великое жалованье. Можешь ничего не давать, распорядись хозяйством сам. *(Демонстративно рыдая, уходит).*

ЗВЕРЕВ. Миропа! *(Догнав, останавливает ее).* Не плачь,

не рви мне душу. (*Усаживает ее на скамью и садится сам*).

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Может, ты до сих пор жалеешь, Аггей, что не женился на молоденькой? А вот терпела бы она, что я терплю? Только держи — упорхнула бы и все!

ЗВЕРЕВ. Уж лучше совсем было не жениться.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. А кто на старости лет присмотрел бы за тобой?

ЗВЕРЕВ. В монастырь бы пошел. Книги бы там читал умные.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА (*хохочет*). Глядите на него! Монах! Ой, не могу!

Но Аггей Никитич отвлекся, увидев что-то вдалеке. Лицо его озарилось радостью, он даже привстал, приветствуя невидимую нам пролетку, на которой сидела Пани Вибель. Мирона Дмитриевна мгновенно перехватила его взгляд.

Эй, монах! На кого глаза lupишь? Забыл, что супруга рядом?.. А, да это же госпожа аптекарша! Постой, постой, дай-ка ее рассмотреть. Ну и что? Разве она лучше меня? Что молчишь? Кто красивше — я или она?

ЗВЕРЕВ. Смею тебя уверить, она очень приятная и достойная женщина.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА (*кричит*). Эй, ты, камелия, ехай своей дорогой! (*Звереву*). Достойная, говоришь? (*Хихикает*).

ЗВЕРЕВ. А то нет?

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. С офицером от муженька убегала, достойная твоя. А когда тот ее бросил, снова к аптекарю вернулась, не постыдилась. Стерва! А муж, даром что немец, а человек добрый и великодушный, простил ее... Даже слова не сказал, что знает, где она была и что делала.

ЗВЕРЕВ. Генрик Федорович чудный человек. И доктор, и почтмейстер... Они все масоны. И очень душевные люди.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Почтмейстер — кутейник и на деньги жадный. Ты-то долго еще будешь шляться в аптеку, к масонам этим? Раскрыл притон, пиши докладную — глядишь, и отметят за усердие.

ЗВЕРЕВ. Нет, Миропы. Не для служебной выгоды я теперь желаю масонства. Этого требует мой дух — душа моя.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Душа требует, дух! Ты мне эти песенки масонские не пой. Дела на службе забросил. Тулузова, уважаемого человека, два месяца под следствием держит. Кончай, Аггей Никитич, кончай. Изволь жить, как я тебе приказываю.

Но Зверев снова увидел предмет своего обожания и расцвел, засиял, озаренный радостью.

Опять эта гадюка появилась! (*Возмущенно*). Да что же это творится среди бела дня! Взад-вперед ездит, людям семейным глазки строит. Срамота! (*Грозит кулаком*). Вот я тебе! (*Притягивает к себе Зверева и вливается в него страстным поцелуем*). Гляди, стерва, как мы любим друг друга!

6.

Кабинет исправника. Зверев за письменным столом, Тулузов в кресле, Михеич стоит навтыяжку у двери.

ЗВЕРЕВ (*Михеичу*). Свидетели доставлены?

МИХЕИЧ. Доставлены, господин майор.

ЗВЕРЕВ. Священнослужитель присягу отобрал?

МИХЕИЧ. Так точно-с.

ЗВЕРЕВ. Начинайте.

МИХЕИЧ. Слушаюсь.

Михеич выходит и появляется с первым свидетелем. Он в стареньком мундире и черных очках.

ЗВЕРЕВ. Называйте себя.

ПЕРВЫЙ СВИДЕТЕЛЬ. Абросимов Валентин Сергеев сын. Отставной поручик.

ЗВЕРЕВ (*показывает на Тулузова*). Вы знали этого господина?

АБРОСИМОВ. Этого? (*Снимает очки, снова надевает их.*) Что-то не припомню.

Зверев и Михеич удивленно переглядываются.

ТУЛУЗОВ. Поглядите внимательно, Валентин Сергеевич. Тулузов я.

ЗВЕРЕВ. Э, так нельзя, ваше превосходительство... Внушение не допускается.

АБРОСИМОВ (*нетвердо*). У нас в бригаде был тоже Тулузов.

ТУЛУЗОВ. Батюшка мой!

АБРОСИМОВ. Я раненый... и ниоткуда никакого вспомоществования не имею...

ЗВЕРЕВ. А как звали того Тулузова?

АБРОСИМОВ. Позвольте мне сесть, у меня ноги тяжесть. (*Садится*).

ЗВЕРЕВ. Значит, вы подтверждаете, что знали отца господина Тулузова?

АБРОСИМОВ (*громко*). Утверждаю!

ЗВЕРЕВ. Тогда подпишитесь вот к этой бумаге.

Абросимов берет перо, вертит перед собой лист и что-то бормочет, разбирая текст.

АБРОСИМОВ. "Я, нижеподписавшийся, поручик в отставке... сим удостоверяю..." Эх! (*Ставит размашистую подпись*). Дозвольте идти?

ЗВЕРЕВ. Идите.

АБРОСИМОВ. Здравия желаем, с похмелья помираем... Извините, если что не так... Раненый я и никакого вспомоществования... (*Продолжая бормотать, удаляется*).

ЗВЕРЕВ (*Михеичу*). Зови следующего.

Михнич выходит.

ТУЛУЗОВ. Поручик этот частенько у нас бывал. Остроумец, франт. А вот, поди ты, зашибать стал и память напрягать приходится. Эх, жизнь человеческая...

Михеич вводит Второго свидетеля, старичка-чиновника.

ЗВЕРЕВ. Называйте себя.

ВТОРОЙ СВИДЕТЕЛЬ. Провинциальный секретарь и кавалер Антон Пупкин.

ЗВЕРЕВ. Знаете ли вы, господин Пупкин, Тулузова Василия Ивановича?

ПУПКИН. Как не знать? Вот он передо мной сидит, благодетель мой. (*Низко кланяется ТУЛУЗОВУ*). Вот уж я одной ногой в могиле стою, а не потаю: знаю господина сего именно как Тулузова Василия Ивановича.

ТУЛУЗОВ (*Звереву*). Прошу занести это показание в подлинных выражениях господина Пупкина.

ЗВЕРЕВ (*Пупкину*). Подпишитесь.

ПУПКИН (*пишет*). "Провинциальный секретарь и

кавалер Антон Пупкин".

ЗВЕРЕВ. Поясните следствию, какого ордена вы кавалер?

ПУПКИН (*показывая на грудь*). Видите, ваше высочородие? Это пряжка за тридцатилетнюю беспорочную службу.

ЗВЕРЕВ. Я занесу в протокол, что вы есть кавалер пряжки.

ПУПКИН. Так точно, кавалер пряжки за беспорочную...

ЗВЕРЕВ. Свободны, господин Пупкин.

Пупкин, а вслед за ним Михеич выходят.

ТУЛУЗОВ. Грамотей и каллиграф. Таких нынче с огнем не сыщешь. Бывало, скажешь ему: "Андрюша"...

ЗВЕРЕВ. Антон его имя... Антон.

ТУЛУЗОВ. Да... Бывало, говорю, скажешь ему: "Антоша, к двум часам на подпись...". Еще и часу нет, а он, трудяга, уже все порешил и точку поставил.

Входит Третий свидетель — пожилой длинноволосый человек. За ним Михеич.

ЗВЕРЕВ. Называйте себя.

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ. М-м-м-м-м...

ЗВЕРЕВ (*вскакивает*). Что?!

ТУЛУЗОВ. Без языка он, понимаешь?

ЗВЕРЕВ. Нет, не могу... Заменить надо.

ТУЛУЗОВ. Пых-пых-пых! Не петушись! Он что, не человек? Свидетель как свидетель. Ответит тебе по всей форме. Пытай, пытай его.

Третий свидетель дружелюбно кивает и

улыбается.

ЗВЕРЕВ. Не положено так, ваше превосходительство.

ТУЛУЗОВ. А я тебе говорю, что положено. Все знает, все помнит. Только выразить по-человечески не может. Ты без года неделя должность исправляешь. Подправят, коли что не так.

ЗВЕРЕВ (*Третьему свидетелю*). Вы родителя господина Тулузова изволили знать?

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ (*истово кивает*). У-у-у-у-у!

ТУЛУЗОВ. Говорит, что отлично знал моего покойного батюшку. Разве не понятно?

ЗВЕРЕВ. А с самим господином Тулузовым Василием Ивановичем встречались?

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ (*несколько раз кивает*). У-у-у-у-у!

ТУЛУЗОВ. Ей-богу, одно удовольствие с ним беседовать — толково, без лишних слов, все по делу.

ЗВЕРЕВ. Где же вы встречались? В каком городе?

Третий свидетель молчит.

ТУЛУЗОВ (*недовольно*). Важность какая, подумаешь.

ЗВЕРЕВ. Может быть, в Москве?

Третий свидетель смотрит на Тулузова. Тот делает незаметный знак.

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ (*мотает головой из стороны в сторону*). М-м-м.

ЗВЕРЕВ. Нет? Тогда может быть в Петербурге?

Тулузов слегка наклоняет голову.

ТРЕТИЙ СВИДЕТЕЛЬ (*утвердительно кивая*). У-у-у-у!
(*Делает несколько непонятных жестов*).

ТУЛУЗОВ. Гляди, гляди... Это он рассказывает тебе, как любил свечи зажигать в большой зале. Он у батюшки камердинером служил... Видишь: когда гости отбывали, он одну за другой эти свечи гасил... Ну, чем тебе не свидетель? Не только меня признал, но и расписал тебе, как я жил-поживал, во всех, как говорится, подробностях.

Третий свидетель, скорчившись, хватается за живот.

Отпусти ты его от греха подальше. И с языком, и без языка — с каждым такое случиться может... Пусть ставит подпись и проваливает.

ЗВЕРЕВ. В управе благочиния этот протокол вряд ли утвердят.

ТУЛУЗОВ. А это уже не твоя забота. Утвердят!

Зверев с тяжелым вздохом показывает Третьему свидетелю, где надлежит поставить подпись. Тот подписывает протокол и поспешно, держась за живот, исчезает.

Все в соответствии с законом. Обещал трех свидетелей? Будьте любезны! А мог хоть триста сюда привести. Помилуй бог, у меня теперь совесть спокойна. (*Жмет Звереву руку*). Благодарю за честную службу. За то, что клевету масонскую разбил. А за Тулузовым не пропадет, не бойся.

Тулузов уходит. Проводив его, ЗВЕРЕВ возвращается к столу, перебирает бумаги. Появляется Доктор, в руке у него портфель.

ДОКТОР. Доброго, здравия, Аггей Никитич.

ЗВЕРЕВ (*сурово*). Здравствуйтесь, доктор. А я как раз хотел послать за вами.

ДОКТОР (*садится*). Я только что лицом к лицу столкнулся с этим мерзавцем.

ЗВЕРЕВ. Попрошу вас выбирать выражения.

ДОКТОР. Негодяй, мерзавец, подлец, каторжник, убийца! Я буду кричать об этом повсюду — на улицах и в церквах. До каких же пор ему будет дозволено разгуливать на свободе?

ЗВЕРЕВ. Только что показаниями свидетелей доказана полнейшая невинность господина Тулузова. В связи с этим, доктор, мне придется возбудить дело о клевете, возведенной вами на честного, уважаемого человека.

ДОКТОР. Уважаемый? Честный? Такого я от вас не ожидал, Аггей Никитич. *(Вынимает из портфеля документы)*. Поглядите, что мне удалось разыскать.

ЗВЕРЕВ. Дело Тулузова следствием закончено.

ДОКТОР. Нет, господин исправник. Я отступать не намерен. Вот копия документа, хранящегося в нашем земском суде. Читайте, читайте... Имя этого подлеца не Тулузов, а Воздвиженский. Он был сослан на поселение за кражу церковных золотых вещей. Бежал, совершил убийство... Того Тулузова, убиенного, я сам лично знал. Вы должны арестовать самозванца и государственного преступника.

ЗВЕРЕВ. Но все свидетели под присягой подтвердили, что знали родителей Тулузова и его самого. Чем вы это объясните?

ДОКТОР. Уговорены и подкуплены... А вот, поглядите, еще несколько документов. Квитанции на хлеб, фальшивые. Подписи, печати — все подделка. Будто сдавал он хлеб в помощь голодающим, а сам за кордон его отправлял. И вот еще...

ЗВЕРЕВ. Оставьте мне эти бумаги.

ДОКТОР *(выкладывая на стол документы)*. Я клятву дал, Аггей Никитич, над трупом того Тулузова, подлинного, что разыщу убийцу. И бог мне поспособствовал. Не должно нам, сынам отечества, потакать беззаконию, оставлять убийц и грабителей на воле. Гадко, пошло это... Даже преступно. Поднялась во всей державе нашей мощь кабацкая. А мы чуть ли не преклоняемся перед ней, подачек от нее ждем, объедков с барского стола... И ходят ныне эти господа кабатчики, вроде

Тулузова, по всей земле русской, как богатыри какие: все им прощается — бей, жги, режь, грабь! Да если мы не одолеем их — смерть державе нашей. Нельзя нам еще жить без дубинки Петра! Ох, нельзя! (*Встает*). Зверь обслежен со всех сторон, Аггей Никитич. Ежели вы теперь отступите, нет у нас справедливости, нет закона. (*Уходит*).

Взяв документы, Зверев в задумчивости ходит по кабинету. Слышится пьяный хриплый голос: "Соловей, соловей, пташечка..." На пороге появляется свидетель Абросимов. Он еле держится на ногах.

АБРОСИМОВ. Здравия желаем, с похмелья умираем...

ЗВЕРЕВ. Абросимов? Как посмел в таком виде?..

АБРОСИМОВ. Я человек раненый... Никакого вспомоществования не имею.

ЗВЕРЕВ. Чего тебе?

АБРОСИМОВ (*снимает очки, протягивает их Звереву*). Окуляры вернуть. Савка-управляющий надеть их велел... Ради сокрытия глаз. А то, говорит, признают, что ты как есть выпивший и показаний снимать не будут...

ЗВЕРЕВ. Постой, постой... С тобой, выходит, предварительно беседовал управляющий Тулузова?

АБРОСИМОВ. Они же готовили меня, ваше высокородие, задалбливали мне в башку.

ЗВЕРЕВ. Ты дал ложные показания? Под присягой?

АБРОСИМОВ. Я, ваше высокородие, офицер русской службы, но пришел в бедность... Без одежды и пищи. Три дня куска хлеба во рту не было. А управляющий его, Савка, разыскал меня и говорит: "Я тебе сто рублей дам, покажи только, что ты одного человека знаешь"... Этого, ну как его...

ЗВЕРЕВ. Тулузова?

АБРОСИМОВ. Ну, да, Тулузова... Я и согласился. А что делать? Иные от голода людей режут, а я что же? Раненый, без всякого вспомоществования... Виноват, ваше высокородие. Готов нести по всей строгости закона... Не устоял, кушать хотелось.

Зверев подходит к Абросимову и крепко обнимает его.

Вы что? Ваше высокородие! Да не ломайте меня, я же раненый!..

ЗВЕРЕВ *(с пафосом)*. Спасибо тебе, друг. Снял ты с меня груз сомнений — что делать и как поступить. Этот каторжник чуть было не обвел меня, майора, карабинерного офицера, вокруг пальца. "Масоны! Везде масоны! Всемирный заговор!" А я, болван, уши развесил... Спасибо, брат. Ты, офицер, пришел на выручку другому офицеру, который попал в осаду. Пришел и сказал: "Действуй, повинуйся закону и божьей воле"...

АБРОСИМОВ. Да не говорил я этого, ваше высокородие...

ЗВЕРЕВ. Не устами, а сердцем сказал.

АБРОСИМОВ. Отпустите меня, ваше высокородие. Окуляры-то возьмите. *(Кладет очки на стол)*.

ЗВЕРЕВ. Приходи завтра. Все как есть запишем.

АБРОСИМОВ. Слушаюсь. Здравия желаем, с похмелья умираем! Эх, ма! *(Выходит)*.

ЗВЕРЕВ *(громко)*. Михеич! *(Входит Михеич)*. Скажи, Михеич, ты к подвигу готов?

МИХЕИЧ *(выпятив грудь)*. За царя и отечество животы не сожалею.

ЗВЕРЕВ. Тогда держи. *(Вручает ему бумагу)*. Вот тебе предписание. Действуй.

МИХЕИЧ *(пробежав глазами бумагу)*. Тулузова? Под арест?

ЗВЕРЕВ. В острог разбойника! Без промедления!

МИХЕИЧ. Страшное дело вы затеяли, Аггей Никитич. Страшное!..

7.

Комната в аптеке. Входит Пани Вибель в новом платье с затейливой сумочкой в руке. Садится за стол, вынимает из сумочки лист бумаги, берет перо и что-то пишет. Появляется Вибель с пачкой книг. Пани Вибель поспешно прячет записку в сумочку. Вибель кладет книги на стол.

ВИБЕЛЬ. Вот, подобрал ему. Тут по истории масонства, философские сочинения. Не знаю, осилит ли их. Человек он военный, порой вижу, ему трудно проникнуть в глубины нашего учения. Но он не отступает.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Не отступает, татко, ни на шаг.

ВИБЕЛЬ. Я вижу, как сияют его глаза на моих уроках.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И я вижу! (*Звонок колокольчика*).

ВИБЕЛЬ. Айн момент! (*Поспешно уходит*).

Пани Вибель вынимает из сумочки книгу в красном переплете, вкладывает в нее записку, а книгу кладет в стопку. Входят Зверев и Вибель.

ЗВЕРЕВ (*обрадовался, увидев Пани Вибель*). О! Целую ручку...

ВИБЕЛЬ. Мария Станиславовна выразила желание учиться вместе с вами.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Вы не рады?

ЗВЕРЕВ. В полнейшем восторге.

ВИБЕЛЬ. И мне приятно: в моем стаде теперь две новые

овечки.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ме-ее-е-ее!

ВИБЕЛЬ. Фуй, Мария! Твои глупые шутки совсем не к месту.

Зверев и Пани Вибель усаживаются за стол.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Почему вы опоздали, пане добродзею?

ЗВЕРЕВ. Виноват. Никак не развяжусь с этим проклятым делом Тулузова, вы же знаете?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Говорят, вы его посадили в острог. Неужто вы такой смелый?

ВИБЕЛЬ. Аллес! Прекратите ваше пустословие! Отриньте от себя земные дела, воспарите к небу, к вечным истинам. Итак... Многие думают, что масонство владеет таинственными науками и что мы можем превращать куски камней в слитки золота...

Зверев и Пани Вибель записывают его слова. Лица их серьезны и сосредоточены, тогда как обе пары ног, видимые нам под столом, медленно и осторожно сближаются.

Но если бы люди достигли этого, то золото сравнялось бы с камнем, не правда ли, и потеряло бы всякую ценность...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Очень жаль, татко, что масоны не умеют делать золото.

ВИБЕЛЬ. Для нас существуют другие сокровища: добродетель, милосердие...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Тебе, татко, хорошо рассуждать. Зачем тебе золото? У тебя ведь никаких желаний нет. А у Аггея Никитича, может быть, все наоборот.

ВИБЕЛЬ. Перестань болтать, Мария! Это кощунство! Итак... другие люди считают, что масоны владеют универсальным средством, которое способно удержать наше

тело от тления...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. От чего удержат тело? Аггей Никтич, вы записали?

ЗВЕРЕВ. От тления.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Что вы сидите за версту? Ближе, ближе, чтобы я могла к вам подглядывать.

Зверев с радостью пересаживается, рука его сразу же оказывается на талии Пани Вибель, а их ноги, сплетясь наконец воедино, проделывают все, на что способны пылкие и обо всем забывшие влюбленные.

ВИБЕЛЬ. Вы успеваете за мной?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Не волнуйся, татко, мы все успеваем.

ВИБЕЛЬ. Третьи ,тоже безумцы , смеются над нашими обрядами, называя их нелепыми и детскими забавами. Мы действительно совершаем некоторые символические церемонии при приемах в масонство, при встречах братьев...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И сестер!

ВИБЕЛЬ. Ибо союз наш тайный, и каждый вступающий в него, дает под присягой обет молчания. Все эти ритуалы описаны в трактате, который я вам, господин Зверев, вручил на прошлом уроке. Господин Зверев! Вы меня слышите? Потрудитесь-ка рассказать об этом ритуале вкратце.

ЗВЕРЕВ (*встает*). Поют сначала песнь.

ВИБЕЛЬ. Какую?

ЗВЕРЕВ. Эту... как ее... Слов я не помню.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Что ты, татко, все его спрашиваешь? Ты сам рассказывай.

ВИБЕЛЬ. Я хочу проверить степень внимательности и

трудолюбия господина Зверева.

ЗВЕРЕВ. У меня на стихи совершенно нет памяти. Если можно, Генрик Федорович, давайте повторим ритуал.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И я послушаю.

Зверев садится. Ноги их снова сплетаются.

Рассказывай, татко.

ВИБЕЛЬ. Масоны обычно держат в тайне те знаки, посредством коих они узнают друг друга. Почему? Чтобы не дать людям, непосвященным выдавать себя за масонов и проникать на их собрания в масонские ложи. Как же узнают друг друга "вольные каменщики"? Посредством знака, слова и прикосновения.

ЗВЕРЕВ. Знака, слова...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И прикосновения.

ВИБЕЛЬ. Знак состоит в следующем. Брат, желающий сделать его другому брату...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А брат сестре?

ВИБЕЛЬ. Прекрати! (*Показывает*). Складывает большие пальцы и указательные так, чтобы образовать треугольник. Подойдите сюда и делайте, как я.

Зверев и Пани Вибель, выйдя из-за стола, делают масонский знак.

Теперь разойдитесь и идите навстречу друг другу. Треугольники вперед! Прикоснитесь вершинами!

Зверев и Пани Вибель выполняют команды.

Прикоснулись? Теперь остановитесь в этой позиции. Вы, Аггей Никитич, изображаете знак огня, а ты, Мария, знак воды. Поняли? Так, гут... Символы помогают нам не только распознать своих собратьев. С помощью их мы определяем степень,

которую они занимают в масонской ложе. Приложите, например, правую руку к шее, а большой палец держите перпендикулярно. Это есть шейный масонский знак ученика. Вы — ученики, следовательно можете пользоваться при встрече этим знаком.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А ты, татко? Какой у тебя знак?

ВИБЕЛЬ ставит ступни ног под прямым углом.

ВИБЕЛЬ. Символ мастера.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ты — мастер? (*Обнимает его*). Ах, татко, какой ты у меня умный! И какие мы с паном Зверевым дураки против тебя!

ВИБЕЛЬ. Учитесь, и вы поумнеете. (*Звереву*). Я принес вам книги по масонству. Только не относитесь к ним так же небрежно, как к ритуалу.

ЗВЕРЕВ. Виноват, Генрик Федорович.

ВИБЕЛЬ. Учтите, я буду вас экзаменовать.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А можно нам готовиться вместе? Вы согласны, Аггей Никитич?

ЗВЕРЕВ. Если только Генрик Федорович позволит.

ВИБЕЛЬ. Почему же не позволить? Вдвоем вы лучше усвоите материал.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Но не завтра же ты начнешь нас экзаменовать?

ВИБЕЛЬ. Как только вы скажете, что готовы к испытанию.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Надо хорошо подготовиться.

ЗВЕРЕВ. Книг много, надо все изучить.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Мы будем читать их долго-долго... Ты мне дашь, татко, ключ от той страшной темной комнаты, где вы собираетесь?

ВИБЕЛЬ. Гут.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Там никто не помешает нам готовиться к экзаменам.

ЗВЕРЕВ (*берет стопку книг*). Я, пожалуй, пойду...

Пани Вибель подходит к нему очень близко. Их лица почти соприкасаются: вот-вот произойдет поцелуй.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ай! Что я вспомнила! Ты же пропустил один знак, татко. При встречах и прощаниях вы же обязательно целуетесь. А ты скрыл, татко. Нехорошо, нечестно!

ВИБЕЛЬ. Оставим на следующий раз.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А мы хотим попрощаться с паном исправником. И не завтра, а сегодня.

ВИБЕЛЬ. Ну, извольте... Подойдите друг к другу... Так, остановились... И три раза прикладывайте щеку к щеке. Нет, нет, Мария, лишь легкое прикосновение... Важен не сам символ, а его внутренний смысл... Господин Зверев, не удерживайте Марию, отпустите ее... Нет, все неправильно!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Надо повторить!

ВИБЕЛЬ. Давайте еще раз. Пошли треугольниками... Знак воды, Мария! Знак огня, господин Зверев! Так, великолепно! И трижды облобызались. Превосходно! Не знаю, как вы, а я доволен!

ЗВЕРЕВ. Я тоже!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Как прекрасно, татко, что мы все довольны!

Конец первой части

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

8.

Служебный кабинет исправника. Стол завален книгами. Посередине кабинета стоит Зверев с раскрытой книгой в руке. Лицо его выражает мучительную работу мысли.

ЗВЕРЕВ. "Ищущему следует прежде всего обучиться умному деланию. (Поднимает глаза к потолку). Умное делание... (Снова читает). Оно стремится вывести темный огонь жизни из света внешнего мира в свет мира божественного..." (Закрывает глаза и проборматовывает только что прочитанный текст). "Приступая к умному деланию, мы должны замкнуться в тихой и темной келье и безмолвно пребывать в ней ..."

Входит Михеич.

МИХЕИЧ. Разрешите доложить, господин майор!

Зверев продолжает сосредоточенно сопеть, Михеич с опаской приближается к нему.

(Робко). К вам проситель, господин майор.

ЗВЕРЕВ. Сбил ты меня, брат. Рассредоточил ... Кто там у тебя?

МИХЕИЧ. Власьев Савелий, управляющий господина Тулузова.

ЗВЕРЕВ. Пусть зайдет.

Михеич выходит, появляется Савелий.

Что вам угодно?

САВЕЛИЙ. От Катерины Петровны я... От супруги, значится, господина Тулузова.

ЗВЕРЕВ. Слушаю.

САВЕЛИЙ. Очинно печалится барыня наша. Пойди,

говорит, Савелий, и передай его высокородию господину исправнику, что невиновный он, муж мой... ее, то есть... Василий Иванович. А мы, говорит, господина исправника не обидим (*Вынимает пакет с деньгами*). Мы, говорит, люди благородные...

Зверев вскочил, взбеленный, и набросился с кулаками на Савелия..

Ой! Убьете! Ваше высокородие! Люди добрые, помогите!

Вбегает Михеич, пытается оттащить Зверева.

ЗВЕРЕВ (*нанося Савелию удары*). Ах, скотина! Думал, я хапну, да? Не на того нарвался, мерзавец! Я человек военный! Мне сам царь жалованье платит. А не твоя Катерина Петровна! (*Сует пакет с деньгами Савелию*). Пошел вон! (*Дает ему крепкий пинок под зад*).

Савелий с грохотом вылетает. Михеич хохочет.

С приношением явился, видал? Чтобы я убийцу выпустил! Я, карабинерный офицер! Думали, видать, что заверчусь перед ними, как карась на горячей сковородке, лишь только сотни и тысячи захрустят. Где им понять, что я из чести служу, а не из выгоды. Что, господа хорошие, купили Зверева? (*Рухнул на стул, уставшим голосом*). Принеси-ка мне ковш холодной воды...

Михеич выходит. Зверев все еще тяжело дышит. Машинально достает из стопки книгу в красном переплете, которую положила Пани Вибель. Начинает листать. Появляется Михеич с ковшом. Намочил платочек и дал его Звереву. Тот, не отрываясь от книги, прикладывает платок к вискам.

(*Увлеченный книгой*). Ха! Вот здорово!

МИХЕИЧ. Не утомляйте сейчас голову, ваше высокородие. Вам бы отдохнуть после мордобития.

ЗВЕРЕВ. Все понятно, без всякой долбежки... Эта

книжица мне по душе. (*Читает*). "Улучив минутку и собравшись с духом, он ей сказал: "Катерина, не дай мне умереть от любви". А девушка ему на это: "Дай бог, чтобы я-то не умерла от любви к тебе". Славно-то как, Михеич! Это как же любить надо, чтобы от страсти любовной помереть!

МИХЕИЧ. Писаки чего не напридумают.

ЗВЕРЕВ. Что ж, по-твоему, и любви-то нет?

МИХЕИЧ. Разве между обезьянами... На необитаемом острове. А вот между людьми ее уже давно не видать, ни капельки не осталось.

ЗВЕРЕВ. Сердце твое зачерствело, брат... А вот я... Открыться тебе не могу, два слова только скажу, а ты схвати нить моих мыслей. Зияет передо мной с недавних пор пропасть, в которую я, вероятно, кувырнусь со всей головой. Как некто Дон-Хуан со статуей командора.

МИХЕИЧ. С кем же вы равняете себя? Вы Божьей милостью исправник уездный и не чета какому-то Хуану, чтобы от дурмана любовного в пропасть лететь.

ЗВЕРЕВ (*снова листает книгу*). А вот еще прелюбопытнейшая сентенция. И карандашиком отчеркнуто. Слушай. (*Читает*). "Всем людям, а в особенности женщинам нужно брать от жизни все, что только она может дать; мужчинам тоже надлежит пользоваться каждым удобным случаем, ну а женщинам и подавно: состаримся, так ни муж, ни посторонний — никто и смотреть на нас не захочет... На кой черт мы нужны в старости? Золу из печки выгребать?" (*Закрыв книгу, хохочет*). Понял, Михеич, что есть любовь и в чем смысл жизни? Это тебе не сжатие духа и томление сердца, семь степеней и полный мрак.

МИХЕИЧ. Как же эта любопытная книжица называется?

ЗВЕРЕВ (*поглядев на обложку*). "Де-ка-ме-рон".

МИХЕИЧ. Что за черт такой? Первый раз слышу.

ЗВЕРЕВ. Это, видать, главное философическое

сочинение. Мне его к экзамену изучить надо, чтобы меня в масоны... (*Спохватился*). Тссс! Больше ничего сказать не могу, ибо должен молчать, как рыба... (*Листает книгу. Внезапно извлекает записку, лежащую в ней*). Вот так оказия! (*Разворачивает ее, читает и вдруг начинает целовать листочек бумаги*).

Михеич, вытаращив глаза, удивленно смотрит на него.

(*Строго*). Вам что, нечем заняться, господин поручик?

МИХЕИЧ. Разрешите идти?

ЗВЕРЕВ. Идите!

Михеич уходит.

(*Разворачивает записку, лицо его снова озаряется*). О, пани Вибель... (*Читает*). "Дорогой Аггей Никитич! Приходите сегодня в сад в двенадцать ночи. Третье окно от угла будет открыто. Люблю и жду. Тысяча поцелуев. Ваша Мери". (*Вдыхает нежный аромат духов, которыми, очевидно, пропитана записка*). Мери, Мери!...

В кабинете внезапно появляется Мироп Дмитриевна. И тотчас же померк Зверев, поспешно спрятав записку в карман.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Вот чем ты на службе занимаешься, цидульки любовные читаешь... Не стыдно ли?

Зверев молчит, опустив голову.

(*Усаживается*). Скажи мне, Аггей, долго ли будет продолжаться твое ослепление и умопомрачение?

ЗВЕРЕВ. О чем ты?

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Будто не знаешь! Касательно аптекарши.

ЗВЕРЕВ. И что же?

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Будем рассуждать хладнокровно: ты влюблен в нее?

Зверев молчит.

Что ж приумолк? Отвечай жене, безобразник.

ЗВЕРЕВ. Я...я не влюблен в нее. Я очарован ею.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА (*взвываясь в крике*). Вот за каким масонством ты шастаешь в аптеку!

ЗВЕРЕВ. Да, да, да! В этой аптеке я живу всей своей молодой душой!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Развратник! Потаскун! (*Разбрасывает бумаги и книги на его столе*). Павиан мерзкий!

ЗВЕРЕВ (*пытаясь ее остановить*). Опомнись! Что ты творишь? Миропы!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Нет у тебя больше Миропы, нет!

ЗВЕРЕВ. Уйди ради бога! Я за себя не отвечаю!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Нет, подлец, выслушай меня сперва. Я тебе тоже цидульку написала. Последнюю! (*Достает из сумочки несколько сложенных листов бумаги*). Хотела тебе молча оставить ее, на память, а потом решила: нет, негодяй, я прочитаю ее прямо в твою омерзительную физиогномию! (*Надевает очки и читает — громко и торжественно*). "Бывший муж Аггей Никитич! Сегодня спала с моих глаз повязка, каковую носила с несчастного дня моего замужества..."

ЗВЕРЕВ. Я женат единственно по своей глупости и по твоей хитрости.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. В чем же хитрость моя? В чем?

ЗВЕРЕВ. А хотя бы в том, как ты свою грудь при помощи ваты поднимала.

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. А тебе только грудь моя нужна была, да? Ни душа, ни чувства нежные. Вот каков ты, значит, оказался! За грудью моей слезку устроил! Негодяй! Молчать! Слушай дальше! (*Читает*). "Раньше я считала тебя просто олухом, который не способен доставить жене никаких удовольствий в жизни, кроме казенного жалованья. Но теперь я вижу, что ты человек самой низкой души, ты обманщик и притворщик. Как ты смел позволить себе через какие-нибудь два-три дома от нас завести любовницу — эту потаскушку-аптекарьшу?"

ЗВЕРЕВ. Не трогай ее!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Вот как ты запел, пташечка, когда я до твоей гадины добралась! (*Поправляет очки, продолжает читать*). Так... где это я? Ага... "Неужели ты, масон самозванный, думал, что я, полковница по первому браку, никогда не узнаю о твоих развратных действиях? Или полагал, что, узнав, позволю тебе и дальше заниматься блудом?"

ЗВЕРЕВ. Боже! Я даже в казармах такой пошлости не слыхивал!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. "И потому, мой бывший муж и злодей, я не хочу больше жить с тобой. Не смей писать мне, не ищи меня нигде. Я хлопаю дверью и ухожу навсегда. А ты ступай в аптеку к своей мерзавке! Остаюсь ненавидящая и презирающая тебя Миропы". (*Кладет свой меморандум на стол и подносит кукиши к самому лицу своего бедного супруга*).

9.

Темная комната в доме Вибеля, где происходят обычно собрания масонов. Справа жертвенник, на котором лежат раскрытая библия, жестяная ветка акации, череп и инструменты, которыми обычно пользуются каменщики. В глубине сцены висит ковер, на нем изображены причудливые символы и загадочные знаки: сердце с двумя распростертыми крылами, из которого исходит пламя; всевидящее око; чаша с кровью христовой;

колонны; гряда камней; солнце, луна, звезды...

Зверев и Пани Вибель стоят в противоположных концах сцены. В руках у них свечи. Вначале видны только лица, постепенно светлеет. Звучит негромкая возвышенная музыка — возможно, орган.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*громко и с пафосом*). Скажи мне, брат, что ты ищешь во тьме?

ЗВЕРЕВ (*тем же тоном*). Свет истины... Скажи мне, сестра, каково главное достоинство масонства?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Любовь к ближнему, скромность и милосердие... Скажи, брат, почему мы называем себя масонами?

ЗВЕРЕВ. Потому что "масоны" — это каменщики, которые строят великий храм.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Какой это храм, брат?

ЗВЕРЕВ. Храм человеческой любви.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Какой камень употребляем мы для строительства?

ЗВЕРЕВ. Нашим строительным камнем являются люди... Ответь мне, сестра, что означает камень грубый и неотесанный?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Это человек в его греховном несовершенстве.

ЗВЕРЕВ. А камень правильной формы и изящный?

ПАНИ. Это тот же человек после работы над своим сердцем и умом.

ЗВЕРЕВ. Скажи мне, сестра...

ПАНИ ВИБЕЛЬ внезапно начинает хохотать.

Что с вами?

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*сквозь смех*). Если бы я... у нас... в Царстве польском... рассказала бы, чем пан и пани занимаются по ночам!... (*Передразнивая*). "Скажи, брат!", "Скажи, сестра!" И так до утра, что ли?

ЗВЕРЕВ. Нам осталось повторить три великие светильника масонства.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Светильники завтра.

ЗВЕРЕВ. Нет, нет, я могу снова оконфузиться перед вашим супругом.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Повторяйте свои светильники сами! (*Уходит в темноту сцены*).

ЗВЕРЕВ подходит к жертвеннику, один за другим берет инструменты каменщика.

ЗВЕРЕВ. Скажи, брат, что есть наши великие светильники? Ответ: наши светильники суть обыкновенные орудия каменщиков. Скажи, брат, что обозначает молоток? Ответ: молоток — это власть масонов, это крепость духа. Скажи, брат, на что указывает угольник? Ответ: угольник указывает, чтобы человек всегда шел прямой дорогой. Скажи далее, брат, что означает наш третий светильник — циркуль. Ответ: циркуль соединяет одного человека с другим.

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*из темноты*). Циркуль! Хочу циркуль! (*Появляется в свете*). Пусть циркуль соединит меня с другим человеком. Угадайте, с каким!

ЗВЕРЕВ. С человеком высокой нравственности и доброты.

В глубине сцены незаметно для них появляется Аптекарский помощник.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Вы — зануда! Для нравственности и проповедей мне хватит моего татки! Иного человека хочу!

ЗВЕРЕВ. Какого?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А вот не скажу! (*Убегает*).

ЗВЕРЕВ. Мери! Мери!

Зверев пытается догнать Пани Вибель, но спотыкается и падает. При этом из его мундира выпадает бумажник. Зверев этого не замечает.

ЗВЕРЕВ. Мери! (*Догоняет ее*). Любимая!..

Долгий неистовый поцелуй. Аптекарский помощник тем временем подбирает бумажник и исчезает.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Видите, циркуль соединил нас.

ЗВЕРЕВ. Зачем вы смеетесь над масонскими символами?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Я прихожу на урок только с одной целью — чтобы видеть вас.

ЗВЕРЕВ. О Мери!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Слушаю поучения татки и думаю только об одном — когда ему захочется спать.

ЗВЕРЕВ. И вы... вы не обманываете меня?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Разве ты не чувствуешь моей любви... Аггей? (*Снова объятия и поцелуи*).

ЗВЕРЕВ. А меня, Мери, покинула жена.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Вы остались без вашей Европы?

ЗВЕРЕВ. Миропы...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. О, Езус! Вы один — брошенный, необласканный... Ну, ничего, она ведь старенькая... Далеко не убежит.

ЗВЕРЕВ. Я не о ней думаю, пани Вибель. Все мои мысли с недавних пор отданы другой женщине. Чудной, прелестной, несравненной, любимой...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А я случайно, не знаю ее?

Снова пламенный поцелуй.

ЗВЕРЕВ. Ни одного дня не могу жить без нее! Не могу и не хочу! (*Поднимает Пани Вибель на руки*).

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Эта ночь лимоном пахнет...

ЗВЕРЕВ (*к масонским символам над их головами*). Солнце, луна, звезды! Мир земной и мир небесный! Сотворите чудо! Отдайте мне эту женщину! Навсегда! Навеки веков! Я люблю ее! Люблю-юю!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Опоментайся! Тише! Пусти меня, пусти!

ЗВЕРЕВ. Мы перешли Рубикон. Теперь уже все равно.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Для тебя! А для меня — нет!... (*Спрыгивает с его рук и отбегают в сторону*). Ктось идзе! Уходи, быстрее!

Зверев исчезает. Пани Вибель тяжело дышит. Входит Вибель. Он в халате, ночном колпаке и домашних туфлях. Комната постепенно наполняется обычным светом. Все загадочное исчезает, становится будничным, тусклым.

Ты... Ты не спишь, татко?

Долгое молчание.

ВИБЕЛЬ. Уже утро, Мария.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Цо ты кажешь? Вот заучилась... Объясни, татко... я не поняла... В чем разница между масонами и франкмасонами?

Вибель молчит.

Ты ведь у нас такой умный, татко, все знаешь.

ВИБЕЛЬ. Вот что, Марья Станиславовна, не будем больше играть в жмурки. Когда вам угодно было в первый раз

убежать от меня, я объяснил себе, что вы поступили так по молодости, по увлечению. И когда вы написали мне потом, что желаете возвратиться, я вам позволил, но с одним условием. Надеюсь, вы помните о чем речь?

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*склонив голову*). Да...

ВИБЕЛЬ. Я вас предупреждал: если вы в другой раз совершите такой же поступок, гадкий, бесчестный поступок, то я вам больше не прощу.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Генрику, дай слово мувить.

ВИБЕЛЬ. Зачем? Запирательство в этом случае ни к чему. (*Вынимает бумажник*). Вот бумажник, который уронил господин Зверев, будучи здесь этой ночью. А вот ваша записка к нему, любовная записка... (*Извлекает клочок бумаги и рвет его*). Ее я уничтожаю, а бумажник передайте при okazji господину Звереву. Кроме того, я требую, чтобы вы наняли совершенно отдельное помещение и жили бы там.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Чтобы мы разъехались?

ВИБЕЛЬ. Несомненно. Да, передайте господину Звереву, чтобы он возвратил мне все книги по масонству. Они уже ему не понадобятся.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. На что же я буду жить?

ВИБЕЛЬ. Постараюсь по возможности обеспечить ваше существование. Я ведь не на словах только говорю о гуманности и милосердии масонства. В отличие от вас я исповедую это учение всем сердцем.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И тебе не жаль меня, татко?

ВИБЕЛЬ. Оставаться слепцом и глупцом не желаю.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Это все, что ты можешь мне сказать?

ВИБЕЛЬ. Да.

10.

Гостиная в доме Тулузовых. Катрин в халате, не скрывающем ее прелестей, расположилась на софе. Перед ней на почтительном расстоянии стоит Савелий Власьев.. Столик возле софы уставлен батареей винных бутылок. Чувствуется, что хозяйка дома уже изрядно к ним приложилась.

КАТРИН (*хохочет*). Я бы дорого дала, Савка! Тыщи не пожалела бы, ей-богу! Только бы поглядеть, как ты с лестницы кубарем летел!..

САВЕЛИЙ. Он, барыня, недаром Зверевым прозывается. Как есть, зверь лютой. С кулаками в морду, а за что? Такой ведь гостинец ему принес, только Бога благодарить... А он?

Катрин подходит к Савелию и пытается сдвинуть его с места.

КАТРИН. Силы в тебе, Савка, на пятерых. (*Любуется им*). Мускулы — во! Геркулес! А он тебя по ступенькам, как шавку! (*Хохочет*).

САВЕЛИИ. Смешного мало-с. Только в другой раз я к нему не ходок, увольте.

КАТРИН (*резко*). И уволю! С завтрашнего дня! Чтоб духу твоего в доме не было!

САВЕЛИЙ. В чем же, коли так, провинность моя?

КАТРИН. А в том, паразит, что тебе никакого дела поручить нельзя. К исправнику тебя послала, так он тебя взащей вытолкал.

САВЕЛИЙ. Такое, барыня, с кажинным человеком случиться может.

КАТРИН. А свидетелей каких ты подобрал?

САВЕЛИЙ. Двое, барыня, как договаривались, все честь по чести доложили, а вот поручик...

КАТРИН. Из-за него, мерзавца, барин твой за решеткой и очутился.

САВЕЛИЙ. Выходит, денег мало дали.

КАТРИН. Чего ж ты не давал? Мало, что ли, у меня наворовал?

САВЕЛИЙ. Другие, может еще больше, чем я, воровали. У державы.

КАТРИН. Ах, ты! *(Дает ему пощечину)*. Негодяй!

Савелий дернулся, блеснули яростью глаза, руки сжались в кулаки.

САВЕЛИЙ. Вы... вы больше меня не смейте и пальцем тронуть.

КАТРИН. Каналья! Ты как разговариваешь со мной?

САВЕЛИЙ. Я за себя не отвечаю.

КАТРИН. А я тебя на каторгу сошлю!

САВЕЛИЙ. Не сошлете.

КАТРИН. Вот как?

САВЕЛИЙ. Не вы мне, а я вам нужен.

Катрин, ощутив свое бессилие, отходит к столику. Наливает бокал вина, жадно пьет.

КАТРИН. Вот ты, значит, какой, Савелий Власьев. Ты фрукт не простой.

САВЕЛИЙ. Какой уж есть, барыня.

КАТРИН. Мириться будем или друг на дружку пойдем? На смерть, на ножи, а? Василия Ивановича из острога вызволить надо, а мы ссоры — раздоры разводим...

САВЕЛИЙ. Касательно того свидетеля, поручика... Так

вы не извольте тревожиться. Одно ваше слово, и мы его... в наилучшем виде...

КАТРИН. Что с того? Показания он дал, все в дело подшито. А исправник, видишь, упирается. Жена его взять-то взяла, да палец о палец не стукнула.

САВЕЛИЙ. Теперь и вовсе уехали они.

КАТРИН. Что? Совсем? По какой же причине?

САВЕЛИЙ. По причине измены и лютой ревности.

КАТРИН. Что ты мелешь? Говори яснее, ну!

САВЕЛИЙ. А ежели яснее, то господин Зверев, пребывает в незаконной любви с супругой господина аптекаря.

КАТРИН. Какой пассаж! Славно, славно... (*Берет в руки гитару, наигрывает*). Она прелестна! Такая хоть кому свернет голову. Какой неожиданный пасьянс! Эх, Савка... Думаешь, я из-за Тулузова колочусь об лед? Как бы не так, больно он мне нужен.

САВЕЛИЙ. Однако же супруг ваш законный.

КАТРИН. Убийца! Мы-то с тобой все знаем. Неужто мне это клеймо поганое носить: "жена убийцы"? Нет, Савка... Освобожу мерзавца, а там — хоть на все четыре стороны!..

САВЕЛИЙ. И правильно. Мужа себе нового подберете.

КАТРИН. Я? (*Хохочет*). Нет, Савка, я мужчин уже хорошо знаю и шейку под их ярмо подставлять не буду. Скука все это! (*Ударила по струнам*). А я люблю жизнь разудалую! (*Неистово, с азартом играет "цыганочку"*). Что и ты стоишь, как каменный, Савелий Власьев? Плясун ты ведь отменный. Видела, какие коленца ты откальываешь с дворовыми девками. А для барыни не спляшешь? Кланяется она тебе низко, ну!

Савелий начинает танец — сначала медленно и плавно, потом все быстрее и стремительней. Катрин, вокруг которой он танцует, любит

им. Вдруг резким аккордом обрывает музыку. Савелий с недоумением смотрит на барыню.

Послушай... Я живу в пустом доме, одна... Вдруг воры заберутся. Или приведения. А ты во флигеле, далеко...Переходи в дом, а?

САВЕЛИЙ. Как прикажете-с.

Катрин ударяет по струнам. Танец продолжается.

11.

Небольшая комната, в которой теперь живет Пани Вибель. Ветхие стулья, диван, простенькие ситцевые занавески. На сундуке стоит таз, в который методично и звонко падают капли с потолка. Некоторое время сцена пуста. Слышится стук в дверь. Появляется горничная Танюша.

ТАНЮША. Иду-у! (*Исчезает и тут же возвращается со Зверевым*).

Зверев подходит к тазу, удрученно глядит на потолок.

ЗВЕРЕВ. Я же просил кровельщика прислать.

ТАНЮША. Никто не приходил-с!

ЗВЕРЕВ. Хамство беспредельное. Ну, я им всыплю.

ТАНЮША. Хозяин сказал: "Сперва за квартиру уплатите, а потом крышу починим".

ЗВЕРЕВ. Постой, я ведь давал Марии Станиславовне...

ТАНЮША. Они подарочек себе купили.

ЗВЕРЕВ. Вот дела...

ТАНЮША. Амулетик, на счастье... Красивенький, глаз не оторвать. С камнем рубинчиком... А теперь вот ни копейки.

ЗВЕРЕВ. Почему же Мария Станиславовна ничего мне не сказала?

ТАНЮША. Они меня в аптеку послали.

ЗВЕРЕВ. В аптеку?

ТАНЮША. Ага, за деньгами. А господин Вибель говорит: передай барыне, что число ваше еще не вышло, а вперед денег я не даю. Вот и сидим на бобах...

ЗВЕРЕВ. Боже, какой позор...

В дверь снова стучат. Танюша выходит и появляется вместе с Пани Вибель. Та весела и оживлена, как обычно.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Здравствуй, мой петушок!

ЗВЕРЕВ (*сияя, идет ей навстречу*). Здравствуй, моя курочка!

Долгий поцелуй, Танюша выходит.

Где же твоя обновка? Покажи...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. У Танюшки выпытал, да? (*Шутливо грозит ему пальчиком*). Вот... (*Показывает амулет*). Яка дивна жечь, нравится?

ЗВЕРЕВ. Прелесть.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Рубинчик — это мой камень.

ЗВЕРЕВ. Носи на счастье, милая... (*Целует ее*).

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Я страшная мотовка, да?

ЗВЕРЕВ. Все, что делает мое божество, божественно.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Знаешь, у меня какие-то дрянные руки. Деньги в них прямо не держатся. Но я обещаю... слышишь, даю тебе слово, впредь вести себя примерно.

ЗВЕРЕВ вынимает бумажник, кладет на стол небольшую пачку денег.

Что ты, что ты! Сейчас же убери!

ЗВЕРЕВ. Они у меня совершенно лишние.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Правда? А вот у меня ни разу лишних не было. *(Подходит к столу, начинает распределять ассигнации)*. Это лавочнику, это за квартиру... Еще и осталось немножко... Ой, какая же я дура! А за дрова? Тогда не выходит... Ладно, дрова купим, а лавочник подождет... Да что мы все — деньги, деньги, деньги... *(Садится на диван)*. Идзь ко мне.

Зверев садится рядом.

Пенькны муй, коханы муй! *(Обнимает его)*. Какое счастье — никого не бояться, не прятаться... Расскажи о себе, мне ведь интересно, как ты жил раньше, до меня. *(Кладет ему голову на грудь)*.

ЗВЕРЕВ. В военной службе, Мери, решительно ничего интересного нет. Шагай только да вытягивай носок. Да ружье заряжать на двенадцать темпов. А чтобы этак почитать, потолковать о чем-нибудь возвышенном — к этому у офицеров ни малейшей охоты. Напротив, смеются над тем, кто это любит. Ну, ты, говорят, философ, занесся в свои облака!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. И над тобой смеялись?

ЗВЕРЕВ. Бывало.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А ты читал много?

ЗВЕРЕВ. Историю двенадцатого года, от корки до корки... "Герой нашего времени"..., сочинение господина Лермонтова... Потому я и называю тебя Мери, как он свою княжну. *(Целует ее)*. А ты, опричь меня, кого еще кохала?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Одного студента, в Вильне. Но его потом куда-то услали. После этого мне нравились еще два-три господина, но это так себе...

ЗВЕРЕВ. А тот офицер, с которым ты ... от мужа?

Молчание.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Его я много любила. Он женился на другой, а я... я вернулась к Генрику.

ЗВЕРЕВ. Генрик Федорович редкой души человек. А мы... Мы с тобой подлейшим образом обманули его, одурачили.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ты жалеешь, что мы вместе? Ты не рад?

ЗВЕРЕВ. Учил нас добру, милосердию...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ах, ах... (*Торжественно*). "Скажи, брат!", "Скажи, сестра!" Занудство, не хочу слышать об этом. Разве ты не счастлив, Аггей, в нашем гнездышке? Тихо, уютно... И ночь сегодня...

ЗВЕРЕВ. Лимоном пахнет...

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Раз... два... три... Давай считать капли... Пять... шесть...

ЗВЕРЕВ. Прекрати! Меня это бесит!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А ты закрой глаза и представь, что это весенняя капель. Скоро, будет совсем тепло, травка появится... Кап-кап.

ЗВЕРЕВ (*вскакивает*). Проклятая крыша!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Куда ты?

ЗВЕРЕВ. К хозяину!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Только случайно не убей его. И деньги возьми.

Зверев быстро уходит.

(*Громко*). Танюша!

Входит Танюша.

(Пересчитывает деньги). О, какие мы богатые. Это за дрова... А впрочем, холода-то уже прошли... А я сегодня присмотрела в лавке блондовый чепец. Прелесть! Эфир какой-то! Совершенно воздушное безе. Мне так идет — я ведь примерила его... Может быть, дрова подождут?

ТАНЮША. Не замерзнем, барыня!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Но я ведь Аггею Никитичу слово дала. Нет, Танюша, забудем про чепец, купим эти противные брёвна.

ТАНЮША *(берет деньги)*. Слушаюсь, барыня.

В дверь стучат. Танюша выходит и тут же появляется с конвертом в руке.

Вам, барыня.

ПАНИ ВИБЕЛЬ *(вынимает из конверта письмо, читает)*. Приглашение. От мадам Тулузовой! О, Боже... "Я непременно рассчитываю на вас как на самую блестящую даму и прошу вас быть украшением нашего афинского вечера". Ой, как интересно! *(Хлопает в ладоши, кружится)*. Афинский вечер, афинский вечер!

ТАНЮША *(тоже кружится)*. Свинский вечер, свинский вечер!

ПАНИ ВИБЕЛЬ *(хохочет)*. Да не свинский, дуреха! А афинский! Город такой в Греции есть.

ТАНЮША. А что там делать, на вечере?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Танцевать с кавалерами, пить шампанское, веселиться. А потом в известный час тушат свечи...

ТАНЮША *(крестится)*. Ой, страхота какая!.. А потом что?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Потом происходит трапеза любви.

ТАНЮША. Не, барыня, меня бы силком туды не затащили!..

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Я только разок была на таком вечере. В Вильне. Меня даже королевой выбрали, да! Ой, Танюша, как же мне захотелось поехать к мадам Тулузовой! Умираю!

ТАНЮША. Езжайте, барыня, на свинский вечер. В чем же дело?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. В чем? Все мои бальные платья прошлогоднего фасона. Ни одно не годится. Нужно заказать новое. Да сережки с бриллиантками, колье... Это же тысячи... *(Беспокойно ходит взад-вперед по комнате).*

Входит ЗВЕРЕВ. Замечает, что Пани Вибель чем-то удручена.

ЗВЕРЕВ. Не случилось ли чего-нибудь?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Случилось, и случилось очень важное. Садись и слушай.

Танюша выносит таз.

Я получила приглашение на бал. Мне необходимо сделать себе туалет. Понимаешь, это важно... Очень важно для меня снова показаться в обществе. Ведь я заявленная разводка, а таких, как ты знаешь, презирают... Душка, достань мне денег. Займи хоть где-нибудь, потом отдадим... Я чувствую, что поступаю глупо, гадко...

ЗВЕРЕВ. Как тебе не совестно? Что ж тут дурного, что молодая женщина желает выехать в свет и быть там прилично одетою? Я достану денег. И принесу их завтра же!

ПАНИ ВИБЕЛЬ *(осыпая его поцелуями)*. Мой хороший, мой любимый!.. Татко!.. Можно я буду тебя так называть? Коханы муй, обожаю! Ты самый лучший татко на белом свете!

12.

Кабинет исправника. За столом Зверев. Входит Михеич.

ЗВЕРЕВ. Сидит?

МИХЕИЧ. Так точно. Никуда, говорит, не уйду, пока меня господин исправник не примет.

ЗВЕРЕВ. А ты?

МИХЕИЧ. Как вы наказывали. Не пуцаю.

ЗВЕРЕВ. Коли даже сам разрешу, все одно не пуцай. Не о чем с ней говорить, я все ее фокусы наперед знаю.

МИХЕИЧ. Слушаюсь.

ЗВЕРЕВ. А теперь садись, рассказывай про главное.

Михеич садится.

Казначей видел?

МИХЕИЧ. Так точно.

ЗВЕРЕВ. Что он сказал?

МИХЕИЧ. Жалованье, говорит, вперед можно, а квартирные и столовые вы уже получили.

ЗВЕРЕВ. Это верно, получил. А касательно ссуды?

МИХЕИЧ. Может дать.

ЗВЕРЕВ. Великолепно!

МИХЕИЧ. Из переходящих сумм.

ЗВЕРЕВ. Из переходящих? Чужие деньги брать? Нет-с, этого я не желаю.

МИХЕИЧ. Что ж за важность? Прежние исправники всегда из переходящих брали.

ЗВЕРЕВ. Это их дело, а я брать не хочу.

МИХЕИЧ. Тогда, ваше высокородие, будьте любезны только жалованье. (*Кладет на стол деньги*). Тут и за ложки серебряные. Купил их ювелир.

ЗВЕРЕВ. Сколько ж дал?

МИХЕИЧ. Семьдесят ассигнациями.

ЗВЕРЕВ. За дюжину? Ирод!.. (*Считает деньги*). Мало, брат, совсем мизер. Не выкрутиться мне, беда... Эх! (*Вынимает из кармана золотые часы и держит их на ладони*). Снеси-ка ему и часики эти. Батюшки покойного... Презентовал мне их старик, когда я на военную службу определялся... Я ведь, знаешь, Михеич, был этакий деревенский дуботол. Учился, хоть и недурно, но ужасно любил драться. И не из злости, а из удальства какого-то... Сила тогда у меня была уж порядочная, и раз я одного гимназиста так съездил по скуле, что у того салазки выскочили из места. Жалоба на меня... Директор вздумал было меня посечь, но во мне гонор заговорил... Я не дался и четырех охальников раскидал от себя... Тогда меня, раба божьего, исключили из гимназии. Отец в отчаянии и говорит: "Что мне с тобой делать, дурында ты стоеросовая? Не в приказных же тебе служить... Ты русский дворянин, хоть и бедный... Ступай уж лучше в военную службу". И часики эти мне в презент. С ними я, Михеич, и турецкую кампанию прошел, и польскую. На... (*Отдает часы Михичу*).

МИХЕИЧ. И не жаль, ваше высокородие?

ЗВЕРЕВ. Снявши голову, брат, по волосам не плачут.

В кабинет с шумом врывается Катрин. Михеич преграждает ей дорогу.

МИХЕИЧ. Не дозволено! Прошу ослобонить!

КАТРИН. Руки прочь!

МИХЕИЧ. Прошу удалиться! Их высокородие заняты. Прошу, прошу!

КАТРИН (*Звереву*). Я ненароком как двину старичка, так и рассыплется на составные части.

ЗВЕРЕВ (*тихо*). Впусти госпожу Тулузову...

Катрин усаживается.

МИХЕИЧ. Как же, ваше высокородие? Сами же сказали...

ЗВЕРЕВ. Иди, Михеич.

КАТРИН (*Михеичу*). Оглох, дедушка? Ступай, тебе говорят...

Михеич выходит.

ЗВЕРЕВ. Знаю, зачем вы явились.

КАТРИН. Вот и хорошо. Лишних слов не люблю.

ЗВЕРЕВ. Тулузова я не выпущу.

КАТРИН (*рассмеявшись*). Боже, да вас никто не просит об этом.

ЗВЕРЕВ. Зачем же тогда вы здесь?

КАТРИН. Один документ нужен. Из следственного дела.

ЗВЕРЕВ. Вы что, сударыня? В своем, извините, уме?

КАТРИН. Показания поручика.

ЗВЕРЕВ. Абросимова? Он допрашивался дважды.

КАТРИН. Меня интересует второй.

ЗВЕРЕВ (*стукнув кулаком по столу*). Нет!

КАТРИН (*тот же жест*). Да! (*Вынимает толстый пакет, кладет перед собой*).

ЗВЕРЕВ. Уберите!

КАТРИН. Я нарочно привезла деньги сама. Никто, ни одна живая душа не узнает. Оставьте в деле первые показания поручика. Это все, что от вас требуется.

ЗВЕРЕВ. Он заявит об этом в суде.

КАТРИН. Не заявит.

ЗВЕРЕВ. То есть, как?

КАТРИН. Вчера в кабаке около Иверских ворот его убили в пьяной драке.

ЗВЕРЕВ. Абросимова?!

КАТРИН (*крестится*). Земля ему пухом. (*Подвигает к нему пакет с деньгами*). Берите, Аггей Никитич... Могли же вы потерять из дела этот маленький листочек? А все остальное, в управе и суде, делается без вас. Там уже все договорено. Ну? Маленькая, не обременительная для вас услуга...

Зверев медленно, словно при съемке рапидом, раскрывает дело, вынимает несколько листов и отдает Катрин. Та прячет документ за корсаж.

Адью! (*Выходит*).

ГОЛОС АБРОСИМОВА. Я, ваше высокородие, офицер русской службы, но пришел в бедность. Вот и согласился. А что делать? Иные от голода людей режут, а я что же? Раненый, без всякого вспомоществования... Не устоял, кушать хотелось. Виноват, ваше высокородие, виноват...

Зверев сидит, закрыв лицо руками. Вынимает из пакета пачку денег. Крик отчаяния и бессильной ярости вырывается из его груди. Падают к ногам разноцветные купюры.

13.

Гостиная в доме Тулузовых. Издали слышна музыка.

(Фантазия постановщика нарисует, коль в том будет необходимость, все подробности "афинского вечера". Здесь, наверное, могут быть жрицы в легких туниках, танцовщицы с обручами и факелами и т.д. Всё это может чередоваться с драматическими сценами. Мы же сосредоточимся именно на них).

Бал в разгаре. Появляется окруженная гостями ПАНИ ВИБЕЛЬ в новом роскошном платье. Все в масках.

ГОСТИ:

— Кто же вы?

— Назовите ваше имя, прекрасная незнакомка!

— Не таитесь!

— Откройте ваше инкогнито!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Потрудитесь отгадать, господа!

ПЕРВЫЙ ГОСТЬ. По-моему, вы Анна Прохоровна!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Неужто я похожа на эту румяную куклу? Ну, знаете...

ВТОРОЙ ГОСТЬ. Угадал! Вы — мадмуазель Агафья!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Пальцем до неба! Ваша Агафья — чертова зубочистка — такая же длиннющая и скрипучая!

ТРЕТИЙ ГОСТЬ. Тогда вы Елизавета Гавриловна!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Разве от меня веет сыростью?

Пани Вибель и гости хохочут. В отдалении появляется Зверев. Он тоже в маске. Оркестр играет вальс.

ГОСТИ:

— Этот танец мой!

— Же ву при, мадам!

— Вы обещали!

— Извините, я записался первым!

Пани Вибель танцует поочередно с каждым из

гостей. Последним ее партнером оказывается Камер-юнкер.

КАМЕР-ЮНКЕР. Вы порхаете, как мотылек!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. О!

КАМЕР-ЮНКЕР. А тот, кто привел вас на бал, прыгал возле вас, как лягушка.

Пани Вибель смеется. Зверев, не замечаемый ею, сжимает кулаки. Музыка смолкла. Танцующие остановились.

Усатая лягушка! И все время толкается! Ха-ха-ха!

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*сдерживая смех*). Это оттого... оттого, что он танцует вальс по-немецки, медленно...

КАМЕР-ЮНКЕР. По-турецки! Вразвалочку! Вот так!

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*хохочет*). Ну , неправда, неправда! Он карабинерный офицер и отлично танцует.

КАМЕР-ЮНКЕР. Как вы сказали? Карабинерный? Вы лучше никому об этом не говорите.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. А что?

КАМЕР-ЮНКЕР. Знаете ли вы, что такое эти господа карабинерные офицеры? В Москве, например, их никто даже на балы не приглашает.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Это почему же?

КАМЕР-ЮНКЕР. А потому что они как шакалы набрасываются на все угощения. Все со столов гребут. Да еще конфет или апельсинов в карманы насуют. Про запас!

Пани Вибель смеется. Зверев весь кипит.

Представляете, если этот карабинер неосторожно сядет и все раздавит? И груши, и конфеты, а?!

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*хохочет*). Не смешите меня! Ну вас!
(*Убегает*).

Камер-юнкер бросается за ней. Зверев в сердцах срывает маску, швыряет ее на пол. Появляется Михеич и подходит к нему.

МИХЕИЧ. Что с вами, господин майор?

ЗВЕРЕВ. Он... он... (*Губы его дрожат*). Оскорбил честь полка... Честь моего полка!

МИХЕИЧ. Кто, ваше высокородие?

ЗВЕРЕВ. Камер-юнкеришка московский! Подлец! Сказал одной даме, что нас, карабинерных офицеров, на балы не приглашают... Будто мы там фрукты подбираем и рассовываем по карманам.

МИХЕИЧ. Какой пасквиль! Да карабинерные офицеры лучшие в армии! Почти те же гвардейцы!

ЗВЕРЕВ (*приосанившись*)... Итак, господин поручик, прошу вас, как честного офицера, быть моим секундантом и передать от меня господину камер-юнкеру вызов на дуэль.

МИХЕИЧ. К вашим услугам!

ЗВЕРЕВ. Дуэль насмерть. Стреляться до тех пор, пока кто-нибудь из нас не будет убит или смертельно ранен.

МИХЕИЧ. Ежели он вас убьет, я его вызову. Не смей оскорблять чести русских офицеров!

ЗВЕРЕВ. Отлично, друг. Иди!.. Нет, постой. Я ему должен написать вызов по всей форме. Пойдем!

Оба уходят. Появляется Тулузов, за ним через некоторое время входит Катрин.

КАТРИН. Я везде вас ищу, Василий Иванович. Лошади заложены, пора в путь-дорожку.

ТУЛУЗОВ. А я не тороплюсь.

КАТРИН. Напрасно. Для тебя бал окончен, Базиль.

ТУЛУЗОВ. Может, переиграем? Оставим все как было...

КАТРИН. Как было, не будет. Продолжать мне жить с вами глупо и неприлично.

ТУЛУЗОВ (*с кривой усмешкой*). Заместителя сыскали, а супруга законного — вон! Ничего, бог даст, я с Савелькой счеты сведу!

КАТРИН. Мой совет тебе, Вася, не высовывайся. Найди себе какую-нибудь глупенькую купчиху и обирай ее помаленьку. Ты ведь всегда искал корову с золотыми сосками.

ТУЛУЗОВ. Да чтоб сосков побольше было!

Катрин и Тулузов хохочут.

КАТРИН. Ехай, Вася, пора.

Тулузов церемонно кланяется и направляется к выходу. Катрин провожает его взглядом.

И будь поосторожнее, Вася, с бритвой. В другой раз, гляди, не вывернешься!..

Тулузов уходит. Появляется Пани Вибель.

Голубушка, мои гости без ума от вас! (*Любуется ею*). Шарман! Отдохните, вы ведь все время танцуете...

ПАНИ ВИБЕЛЬ (*обмахиваясь веером*). Чуть голова кружится... Я ведь давно не выезжала. Ах, у вас прелестно!...

Появляется Зверев.

Иди сюда! Где ты прятался целый вечер, а?

Зверев молча продолжает стоять на месте. КАТРИН, испытывая неловкость, уходит.

Татко, что с тобою? (*Подходит к нему, кладет голову на его грудь*).

ЗВЕРЕВ (*отстраняясь от нее*). Разве тебя интересует человек, которого ты презираешь?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Не розумем... Кто презирает, кого презирает?

ЗВЕРЕВ. Вы меня презираете, вы!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Ты что, бредишь? А если шутишь, то глупо так шутить. Такое выдумал! Я его презираю,— скажите пожалуйста! Я для него с мужем разъехалась, а он мне свои фокусы и капризы показывает!

Появляется Михеич. Зверев подходит к нему.

ЗВЕРЕВ. Ну?

МИХЕИЧ. Передал вызов, как велели.

ЗВЕРЕВ. И что же он?

МИХЕИЧ. Засмеялся.

ЗВЕРЕВ. Чистая скотина!

МИХЕИЧ. У меня, говорит, здесь секунданта нет. Пускай, дескать, господин Зверев приедет с этим вызовом в Москву.

ЗВЕРЕВ. Мерзавец! Какой подлец!

МИХЕИЧ. В Москву, говорит, куда я сей секунд отбываю. И тут же с господином Тулузовым и уехал.

ЗВЕРЕВ. Трус к тому же, мелкая душонка! Тьфу!

МИХЕИЧ (*взглянув на Пани Вибель*). Не буду вам мешать, господин майор. (*Уходит*).

Пани Вибель подходит к Звереву..

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Я поняла, за что ты взбесился на меня.

Что я поговорила несколько минут с камер-юнкером.

ЗВЕРЕВ. Поговорила? Это называется "поговорила"? Да вы же хохотали, черт возьми, когда он забавлял вас своими насмешками на мой счет.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Интересно, как же ты это знаешь?

ЗВЕРЕВ. Слышал ваш разговор.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Подслушивал? О, пане добродзею, как это благородно с вашей стороны... Да, он болтал разный вздор, смешил меня. Что ж тут такого важного?

ЗВЕРЕВ. А это не важность, когда вам говорят, что я на балах ворую апельсины?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Он это не про тебя говорил, а про других.

ЗВЕРЕВ. Про всех карабинерных офицеров! Следовательно, и про меня.

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Но это шутка была. Боже, какой ты глупый! Неужто не понимаешь?

ЗВЕРЕВ. Если бы мне кто-нибудь даже в шутку сказал, что вы урод, я бы того человека вышвырнул в окно! А не смеялся бы, как вы!.. Я понял, пани Вибель: в ваших глазах я был и есть смешной дурак!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Вы хоть кому покажетесь дураком, господин Зверев, коль так рассуждаете. А потому я лучше уйду от вас. Да, да! Когда опомнитесь от вашего сумасбродства, придете ко мне и покаетесь.

ЗВЕРЕВ. Я?

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Вы, вы!

ЗВЕРЕВ. Мне же после всего и каяться перед вами? Ну нет! Довольно мне перед гордою полячкой унижаться!

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Но и гордая полячка перед вами не унижится! До видzenia!

ЗВЕРЕВ. До видzenia! (*Уходит*).

Сцену заполняют участники бала.

КАТРИН. Господа! Бал продолжается! В Афинах ночь! Гасите свечи! Свечи гасите!

Одна за другой гаснут свечи. Музыка. Мечутся тени. Сцена погружается в темноту.

14

Комната ПаниВибель. На диване, сложив на груди руки и закрыв глаза, лежит ЗВЕРЕВ. Заходится в рыданиях стоящая у изголовья горничная Танюша.

ТАНЮША (*причитает*). Ой, батюшки-светы! Ой, что же вы натворили, барин! Да кабы знала я, что вы руки на себя наложить задумали! Я, я виноватая... Не уследила, не доглядела... (*Наклоняется над ним, прислушивается к дыханию*). Аггей Никитич, Аггей Никитич... Вы живой? Хоть словечко молвите, Аггей Никитич... (*Вынимает из кармана передника зеркальце, приставляет его к губам Зверева*). Кажись, дышит... Запотело... Но уже еле-еле... (*Новый приступ рыданий*).

Появляется аптекаръ Вибель с чемоданчиком.

Вы его отравили! Вы! За барыню отомстили, да? За Марию Станиславну? Я на вас заявлю, Генрик Федорович, так вы и знайте!

ВИБЕЛЬ. Помолчи, сорока ! (*Садится на стул у постели Зверева, считает пульс*). Расскажи, как дело было.

ТАНЮША. Поехали, значит, барин и барыня на этот свинский вечер, и кто эту пакость выдумал! Барыня, Мария Станиславна, как куколка была. Тут жемчуга три нитки, тут золото-серебро... А платье! Восемнадцать аршин парижского материала пошло — не сойти с этого места!

ВИБЕЛЬ. Ты к делу ближе, а то язычок длинный-длинный...

ТАНЮША. Поехали они, значит, на вечер этот свинский...

ВИБЕЛЬ. Да уж приезжать им время, балалайка ты бесструнная!

ТАНЮША. Под утро барин приезжает, один-одинешенек. А лицо такое, смотреть страшно... Заперся, не ест, не пьет... На третий день вроде отошел. И просит меня: сходи в аптеку, возьми там яду крысиного, а то, дескать, эти твари жить не дают, потравить их надо. Пошла я к вам, выдали вы мне эти порошочки, приношу я их. И ваши, Генрик Федорович, слова ему при этом передаю: два пакетика на кружку воды и по блюдечкам разлить... Взял он у меня порошочки, благодарит, а у самого глаза жалобные такие. "Может, я помогу вам, барин?"— "Не беспокойся, голубушка, отвечает. Ты на рынок пойди, а я тем временем..." *(Снова плачет)*. И пошла, дура... А прихожу... *(Рыдания)*. Пять порошочков он в дело пустил. Пять! *(Всхлипывая, выходит)*.

Вибель держит руку Зверева в своих руках. Поглаживает, растирает ее. Что-то шепчет при этом.

ЗВЕРЕВ *(не открывая глаз, еле слышно)*. Кто это? Что вам нужно?

ВИБЕЛЬ. Брат к брату пришел. Вы чувствуете теплоту?

ЗВЕРЕВ. Да... Проникает...

ВИБЕЛЬ. Когда у человека великое горе, то лучше всего, если его руки возьмут чьи-нибудь другие дружеские руки и начнут их согревать. *(Берет другую руку)*.

ЗВЕРЕВ *(открывает глаза)*. Господин Вибель? Это вы?

Пытается приподняться.

ВИБЕЛЬ. Лежите, Аггей Никитич, лежите...

ЗВЕРЕВ. Вы? После всего, что было?

ВИБЕЛЬ. Боже все милостивый...

ЗВЕРЕВ. Боже все щедрый... Я перед вами негодяй и подлец, Генрик Федорович. Вы доверяли мне, наставником были, а я... Мерзавец и свинья великий и нет мне прощения...

ВИБЕЛЬ. Старайтесь ни о чем житейском не думать... прислушивайтесь к моим словам... Теплота исходит от меня... Вы ее ощущаете. Она медленно наполняет все ваше тело. Каждую частичку, каждую клеточку...

ЗВЕРЕВ. Хочу покаяться перед вами. Грешен... Любил и люблю пани Вибель. Думаете, это был романчик? Шуры-муры? Я рассудка лишился, Генрик Федорович. Перековеркал и изломал всю свою жизнь, сжег корабли...

ВИБЕЛЬ. Думаете, я не видел, что Мария любит вас?.. Знаете, мы с ней не были счастливы, нет... Мне всегда хотелось иметь жену - масонку, которая бы понимала меня, разделяла мои убеждения... Некий духовный союз... А Мария... Существо прелестнейшее и кокетливое. Созданное не для неба, а для земной, чувственной жизни.

ЗВЕРЕВ. Я врезался в нее по самую макушку. И — на всю жизнь. Ради нее, ради Мери... *(Пауза)*. Да что мне, право, таиться перед смертью? Я пожертвовал всем, что имел армейский офицер — честью и достоинством. Хапал, когда давали. Стал мздоимцем, выпустил на волю разбойника и убийцу. Боже, что же я натворил в слепоте любви своей!

ВИБЕЛЬ. Лежите, вам нельзя волноваться.

ЗВЕРЕВ. И все — прахом. Где она сейчас? Где Мери, где?... Нет, Генрик Федорович, я не осуждаю ее. Сам виноват. Женщину, привыкшую к довольству, привел сюда, в эту конуру собачью, в таз вода капает... Ужас, позор!.. Поверьте, я был готов на все ради нее. Между мной и ею, как враги недремлющие, стояли деньги, деньги, деньги... И взял грех на душу... У нас, господин Вибель, некоторые ротные командиры порядочно плутовали, но я, видит бог, копейкой казенной никогда не

воспользовался. А тут вдруг таким хапалом оказался. Просто, я вам говорю, на всю жизнь осрамлен. Руки мне по локоть отрубить. Дрянь я, дрянь! И потому не хочу жить, не хочу!

ВИБЕЛЬ. Если один брат остутился, другие поднимут его... Не вывернется убийца, правда рано или поздно его найдет.

ЗВЕРЕВ. Хотите утешить меня перед смертью?

ВИБЕЛЬ. Думаю, что вы останетесь жить.

ЗВЕРЕВ. Тогда пойду в монастырь.

ВИБЕЛЬ. Зачем?

ЗВЕРЕВ. Бежать надо, Генрик Федорович. От себя самого бежать. И чем дальше, тем лучше. Служить я тут не могу и жить в здешнем городе тоже. Куда ж уйду и где спрячусь?

ВИБЕЛЬ. Уйдите в масонство.

ЗВЕРЕВ. Как? Если бы для масонства нужно было выйти на бранное поле, я бы вышел первый. А так, какой во мне прок?

ВИБЕЛЬ. Станьте миссионером.

ЗВЕРЕВ. Мисси... Как вы изволили выразиться?

ВИБЕЛЬ. Будете распространять масонство. Проповедовать наше учение, привлекать новых братьев. Я верю в вас.

ЗВЕРЕВ. Я готов. Лишь бы отсюда бежать. Совладаю ли только?

ВИБЕЛЬ. Поможем. Советами, книгами.

ЗВЕРЕВ. Но ведь я не масон. Был и остался ищущим...

ВИБЕЛЬ. Мы примем вас в ложу.

ЗВЕРЕВ. А ведь я пришел к вам не искренне... (*Шепотом*). Хотел заговор раскрыть, а потом...

ВИБЕЛЬ. Какой заговор?

ЗВЕРЕВ. Всемирный.

Вибель тихонько смеется.

Лишь потом, когда вы меня к своим истинам приобщали, мне казаться стало, что каждый день я поднимаюсь все выше... к облакам, к небу... Где все святые... И вот, на полдороги — брык, споткнулся. Так и не стал братом среди братьев. А ведь я... ведь я... *(Что-то еще бормочет и затихает).*

Вибель берет чемоданчик и направляется к выходу. Появляется Танюша.

ТАНЮША. Вы куда? А ну, лечите Аггея Никитича! Не пущу!

ВИБЕЛЬ. Отцепись ты!

ТАНЮША. Яд ваш, вы и отвечать будете, Генрик Федорович!

ВИБЕЛЬ. Тссс... Майн готт, сколько в тебе шума! Пусть барин выспится. Ясно?

ТАНЮША. А если во сне — того?..

ВИБЕЛЬ. От моего яда, миленькая, только крепко-крепко спится.

ТАНЮША. Ой! Так то не яд был?

ВИБЕЛЬ. Натуральный сонный порошок. *(Тихонько смеется).*

ТАНЮША. Да я вас за это... *(Обвивает руками его шею, притягивает к себе и смачно целует).*

16. ЭПИЛОГ

Из глубины сцены к зрителям идут все участники

спектакля.

ДОКТОР. В старину романы обычно кончались эпилогом. Что же произошло в дальнейшем с нашими героями?

МИРОПА ДМИТРИЕВНА. Держу меблированные комнаты на Никитской. Большой дом на углу, знаете? Без стола сто рублей, со столом двести. Отдаю деньги в рост. Под семнадцать процентов годовых. Дешевле не будет. Я женщина бедная и живу своим трудом.

ТУЛУЗОВ. Бывший мой управляющий Савелий Власьев стал требовать с меня значительную сумму в вознаграждение. Естественно, я отказал. Тогда сей подлец выхватил ножик и — сюда, под левое ребро...

САВЕЛИЙ. Маленько не так было. Тулузов сперва сослал меня, а я ушел с каторги и прикончил его в отместку. Меня, знамо дело, словили и подвергли убиению на площади, при всем честном народе.

КАТРИН. Похоронила обоих, царство им небесное! Стала кутить напропалую. И с барами, и с мужиками. Всякое было. Прожила свой бабий век весело, ни о чем не жалею. *(Поет)*. "Не называй ее небесной и у земли не отнимай"...

ВИБЕЛЬ. Аггей Никитич исчез из нашего городка. Встречали его в разных краях — с посохом, в подряснике, с орденом Станислава и двумя медалями на груди.

ДОКТОР. Однажды, по прошествии многих лет, я получил от него письмо...

ТАНЮША. От Аггея Никитича? Он жив?

ВСЕ. Читайте, читайте, доктор.

ДОКТОР *(вынимает из конверта письмо, читает)*. "Кроме вас, милый мой друг, мне некому сказать о моем счастье. Я был всю жизнь ищущий, но искал не того, чего я желал..." *(Передает письмо ВИБЕЛЮ)*.

ВИБЕЛЬ *(читает)*. "В масонстве я был дурак,

миссионерство мне не удалось, и теперь я член одного из сибирских управлений, поэтому имею кусок хлеба..."

КАТРИН (*берет письмо и продолжает читать*). "Но все это вздор перед тем, что со мною свершилось. В Сибири я встретил пани Вибель..."

ВСЕ. Пани Вибель! Пани Вибель!

МИРОПА ДМИТРИЕВНА (*выхватывает письмо*). "Она приехала туда с каким-то купцом, который окружил ее роскошью и богатством..."

ТАНЮША (*ловким движением берет письмо в свои руки*).. "Но, встретясь со мной в Иркутске, Мери ринулась ко мне всей душой..."

ПАНИ ВИБЕЛЬ. Коханы муй! Ты самый лучший татко на белом свете!

ЗВЕРЕВ. И живет она теперь со мной на моей маленькой квартирке.

ДОКТОР берет письмо у ТАНЮШИ.

ДОКТОР (*читает*). "Более писать вам ничего не смею. Как человек умный и добрый, вы поймете меня". (*Прячет письмо в конверт*). На откровенных словах сего простого, но все-таки поэтического человека можно и закончить нашу историю.

К О Н Е Ц